

На правах рукописи

Е. Л. НЕМИРОВСКИЙ

НАЧАЛО СЛАВЯНСКОГО КНИГОПЕЧАТАНИЯ

**Опыт критического пересмотра вопроса
в связи с историей польского Возрождения**

(Специальность № 573 „Всеобщая история“)

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Москва, 1969

На правах рукописи

Е. Л. НЕМИРОВСКИЙ

НАЧАЛО СЛАВЯНСКОГО КНИГОПЕЧАТАНИЯ

**Опыт критического пересмотра вопроса
в связи с историей польского Возрождения**

(Специальность № 573 «Всеобщая история»)

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Москва, 1969

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор Е. В. Чистякова; доктор филологических наук, профессор Г. И. Коляда; доктор технических наук, профессор С. В. Шухардин; доктор исторических наук Л. В. Разумовская.

Ведущее учреждение: Кафедра книговедения и редактирования Московского полиграфического института.

Автореферат разослан « » мая 1969 г.

Защита диссертации состоится « » июня 1969 г. на заседании Ученого совета Института славяноведения и балканистики Академии наук СССР (Москва Г-69, Трубниковский пер., д. 30 а).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке института.

«Книга — огромная сила». ¹ В этих емких ленинских словах дана лаконичная и, вместе с тем, предельно конкретная и ясная оценка той великой роли, которую печатное слово сыграло и играет по сей день в истории человеческого общества.

Изобретение книгопечатания всегда будут считать одним из «звездных часов» человечества, минутой величайшего озарения, последствия которого неисчислимы. И не случайно Фридрих Энгельс называет появление печатного станка среди причин «чудесного» развития и распространения науки «после темной ночи средневековья».

Навеки останутся в памяти человечества труды и дни подвижников книжного дела и, прежде всего, первооткрывателей книгопечатания, которое Карл Маркс считал одним из открытий, ставших необходимейшими предпосылками отмирания старого феодализма и становления нового, в ту пору еще прогрессивного, буржуазного общества.

«Появление первой печатной книги на языке того или другого народа означает начало новой эпохи в его культурной жизни», — мы считаем глубоко справедливыми эти слова М. Н. Тихомирова ²

Как же нам, в наши дни, когда могущество печати не подлежит сомнению, не заинтересоваться истоками могущества, не разобраться в причинах, породивших его.

Статья М. Н. Тихомирова «Начало книгопечатания в России», которую мы только что цитировали, начата рассказом о «первенцах славянского книгопечатания», выпущенных в свет в конце XV столетия в Кракове. Появление первых изданий кирилловского шрифта до недавнего времени считалось одним из наиболее темных и запутанных вопросов исто-

¹ Ленин и книга. М., 1964, стр. 362.

² М. Н. Тихомиров. Русская культура X—XVIII веков М., 1968, стр. 292.

риографии книжного дела. В 1964 г. старейший советский книговед А. А. Сидоров писал о «краковской загадке» и утверждал: «Мы доньше не можем точно и достаточно ясно ответить на вопрос о причинах и о подлинных обстоятельствах самого зарождения славянского печатания»³.

Цель нашего исследования состоит в том, чтобы ответить на этот вопрос. В настоящее время далеко не все аспекты явления, именуемого возникновением славянского книгопечатания, могут быть раскрыты с исчерпывающей полнотой и предельной ясностью. Над многим еще предстоит потрудиться. Интересующая нас проблема принадлежит к числу тех, которые вечно будут волновать ум и воображение исследователей. Наша работа ни в коей мере не закрывает им путь, она лишь призвана облегчить его.

Диссертация состоит из введения, трех частей и краткого заключения.

³ А. А. Сидоров. Узловые проблемы и нерешенные вопросы истории русского книгопечатания. «Книга. Исследования и материалы». Сб. 9. М., 1964, стр. 13.

Введение

Источниковедение и историография славянского книгопечатания

Книги, отпечатанные кириллицей в Кракове в последнем десятилетии XV в., известны давно. Едва ли не первым упомянул их Захария Копыстенский (ум. 1627 г.), архимандрит Киево-Печерской лавры, страстный противник католичества и блестящий по своему времени публицист. На страницах полемического сочинения «Палинодия, или Книга обороны кафолической святой апостольской Восточной церкви...», доказывая примат православия перед католичеством, Копыстенский припомнил, как в далеком XV столетии, в сердце католической Польши — Кракове издавались церковно-славянские книги.

Чтобы никто не усомнился в справедливости его слов, Копыстенский тут же перечислил в каком монастыре или церкви можно видеть то или иное издание. В этой своеобразной библиографической справке упомянуты все четыре издания, вышедшие из типографии Швайпольта Фиоля: Октоих, Часослов, Триодь постная и Триодь цветная. Названо было и имя печатника.

«Палинодия» Копыстенского не стала, однако, первым печатным упоминанием о Швайпольте Фиоле, ибо предана типографскому станку эта книга была лишь 250 лет спустя — в 1876 г.⁴

Шимон Старовольский (1588—1656), литератор, один из зачинателей польской библиографии на страницах изданного впервые во Франфурте в 1625 г. биографического словаря «Сотня польских писателей, или похвалы и жизне-

⁴ См.: Памятники полемической литературы в Западной Руси. Кн. 1. СПб., 1878, стлб. 991 (Русская историческая библиотека, т. 4).

описания ста знаменитых польских писателей»⁵, связал перевод богослужебных книг на славянский язык с именем профессора Краковского университета Яна из Глогова (1445—1507), а воспроизведение — с типографией известного краковского печатника Яна Галлера (ок. 1460—1525). Версия пустила глубокие корни в историографии — понадобились немалые усилия, чтобы доказать ее неправильность.

В XVIII в. цитаты из изданий Фиоля появляются в полемической литературе, направленной против раскольников. Назовем сочинения нижегородского епископа Питирима (ок. 1665—1738) и тверского архиепископа Феофилакта Лопатинского (ум. 1741 г.)⁶. Дискутируя с раскольниками, Питирим привел ссылки своих оппонентов на краковскую Псалтырь с воследованием 1491 г., которая, как мы покажем ниже, в действительности не существовала. Феофилакт сослался на Часослов, напечатанный Швайпольтом Фнолем в 1491 г.

На рубеже XVIII и XIX вв. имя первого славянского типографа начинает встречаться на страницах трудов западноевропейских славяноведов. Впервые в печатной книге Швайпольта Фиоля упомянул В. Ф. Дурих (1735—1802) в 1795 г.⁷ Возникновением кирилловской типографии интересовался классик славяноведения Йозеф Добровский (1753—1829). Интересные высказывания по этому вопросу содержатся в его переписке с В. Ф. Дурихом, И. Рыбаем, Б. Копитаром и, особенно, с Е. С. Бандтке.

Крупнейший польский историк Е. С. Бандтке (1768—1835) сделал колоссальный вклад в историографию славянского первопечатания. В 1812 г. вышла в свет его восьмистраничная «диссертация» «О первых краковских типографских инкунабулах», на страницах которой он описал найденный им во Вроцлаве экземпляр Октоиха 1491 г.⁸ Заслуга Бандтке состоит в том, что он, первый из историков славянского книгопечатания, обратился в поисках материалов к неисчерпаемой сокровищнице архивов. Извлеченные оттуда сведения он

⁵ Simonis Starovolsci Scriptorum Polonicorum hekatontas seu centum illustrium Poloniae scriptorum elogia et vitae. Francoforti, 1625, p. 59.

⁶ См.: [Питирим, еп.] Пращица, новосочиненная противу вопросов расколнических... СПб., 1721, л. 225 об. — 226; [Феофилакт Лопатинский]. Обличение неправды расколнических. [М.], 1745, л. 43 об.

⁷ См.: F. Durich. Bibliotheca Slavica... Vol. I. Vindobonae, 1795, p. 125—126.

⁸ См.: G. S. Bandtkie. De primis Cracoviae in arte typographica incunabulis. Cracoviae, 1812.

использовал в превосходно документированном труде «История краковских типографий от начала книгопечатания в этом городе до нынешнего времени», опубликованном в 1815 г.⁹ Здесь были напечатаны многие важные документы о Швайпольте Фиоле. Книга знаменовала начало качественно нового этапа в историографии вопроса. В 1826 г. Бандтке выпустил в свет трехтомную «Историю типографий в Королевстве Польском и Великом Княжестве Литовском, а также заграничных типографий, в которых выходили польские книги»¹⁰. Это был капитальный труд поистине энциклопедического размаха.

«История краковских типографий», а также другая книга Е. Бандтке — «История библиотеки Ягеллонского университета» послужили отправным моментом для интересного труда «Две библиографические книги», написанного историком, революционером и книговедом Иоахимом Лелевелем (1786—1861) в редком жанре книги-рецензии¹¹. Один из разделов этого труда, заложившего основы польского книговедения¹², посвящен Швайпольту Фиолю и первым печатным книгам ырилловского шрифта — в нем дан подробный обзор литературы вопроса. Рассказывал Лелевель и о работах русских ученых, опубликованных в первой четверти XIX в.

Решающие успехи русской историографии славянского первопечатания связаны с деятельностью кружка ученых, группировавшихся вокруг видного дипломата, мецената и любителя старины Н. П. Румянцева (1754—1826). По настоянию Н. П. Румянцева, который переписывался с Е. С. Бандтке, на страницах журнала «Вестник Европы» в июне 1819 г. было опубликовано изложение раздела о Швайпольте Фиоле из «Истории краковских типографий»¹³. Два месяца спустя в том же петербургском журнале появилась статья К. Калайдовича (1792—1832) «Дополнительные сведения о трудах

⁹ См.: J. S. Bandtkie. Historia drukarń krakowskich od zaprowadzenia druków do tego miasta aż do czasów naszych. Kraków, 1815.

¹⁰ См.: J. S. Bandtkie. Historia drukarń w Królestwie Polskim i Wielkim Księstwie Litewskim jak i w krajach zagranicznych, w których polskie dzieła wychodziły. T. 1—3. Kraków, 1826.

¹¹ См.: J. Lelwiel. Bibliograficznych ksiąg dwoje, w których rozebrane i pomnożone zostały dwa dzieła Jerzego Samuela Bandtkie... T. 1—2. Wilno, 1823—1826.

¹² Ср.: W. Nowodworski. «Bibliograficznych ksiąg dwoje» Joachima Lelwela. Studium historyczno-bibliograficzne na tle epoki. Wrocław, 1959.

¹³ См.: О Святополке Фиоле, краковском типографике, первом издателе книг, церковно-славянских. «Вестник Европы», 1819, ч. 106, № 14, стр. 121 и сл.

Швайпольта Феоля, древнейшего славянского типографши-ка»¹⁴.

К. Ф. Калайдович был первым нашим ученым, предпринявшим подлинно научные изыскания в области истории книжного дела. Его статья о Фиоле, выпущенная год спустя отдельным оттиском, стала первой русской книгой по истории книгопечатания¹⁵. Здесь была описана недатированная Триодь цветная, атрибутировать которую Фиолю Калайдовичу позволила идентичность шрифтов в этом анонимном издании и в Часослове 1491 г., известном русскому ученому в трех экземплярах.

В июле 1822 г. Калайдович обнаружил другое издание Швайпольта Фиоля — Триодь постную — в богатом собрании Московской Синодальной типографии. Однако описать эту находку в печати он не успел; мы знаем о ней по рукописным заметкам историка, сделанным в самой книге¹⁶. Первое упоминание о Триоди постной в печати принадлежит Е. С. Бандтке, который, однако, знал об издании лишь по корректурным оттискам четырех полос, найденным в переплете одного венецианского инкунабула¹⁷.

Понадобилось, таким образом, почти 80 лет, чтобы открыть и зарегистрировать четыре книги, выпущенные в Кракове Швайпольтом Фиолем. Напомним, что первым был упомянут Часослов в 1745 г. (Феофилакт Лопатинский), затем — в 1812 г. — Октоих (Е. С. Бандтке), далее — в 1819 г. — Триодь цветная (К. Ф. Калайдович) и, наконец, в 1821 г. — Триодь постная (Е. Бандтке).

Большинство экземпляров краковских славянских инкунабулов осело в России. Естественно, что именно русские библиографы взяли на себя труд описать книги, изданные Швайпольтом Фиолем. Работу эту, начатую К. Ф. Калайдовичем, продолжили П. М. Строев, В. М. Ундольский, И. П. Саха-

¹⁴ «Вестник Европы», 1819, ч. 107, № 18, стр. 101—108.

¹⁵ Ср.: Е. Л. Немировский. Очерки историографии русского первопечатания. «Книга. Исследования и материалы». Сб. 8. М., 1963, стр. 28—29.

¹⁶ ЦГАДА, ф. 1251, № 4, л. 313—313 об.

¹⁷ См.: Index lectionum in Universitatis Studiorum Jagellonica a die 1 Octobris anno 1821 ad medium mensem Julii anno 1822 instituendarum. Cracoviae, [1821], p. 4.

ров, И. П. Каратаев, А. Попов и другие исследователи старой книги¹⁸.

Библиографические заметки, посвященные отдельным изданиям, обычно ограничивались сообщением самых общих сведений. В одном случае, однако, заметка переросла в небольшое монографическое исследование. Речь идет о брошюре И. П. Каратаева (1817—1886)—первой и, в течение долгих лет, единственной работе об отдельном издании Швайпольта Фиоля¹⁹.

Если русские исследователи занимались в основном изучением изданий Швайпольта Фиоля, то польских историков и библиографов интересовал главным образом жизненный путь первого славянского типографа. Публикация архивных документов о Фиоле, столь успешно начатая Е. Бандтке, была продолжена А. Грабовским (1782—1868), М. Вишневским (1794—1865), Б. Улановским (1860—1919)²⁰.

В 1867 г. была опубликована докторская диссертация «Гюнтер Цайнер и Святополк Фиоль» известного польского библиографа Кароля Эстрейхера (1827—1908)²¹. Труд сыграл немаловажную роль в историографии польского книгопечатания. Особенно велико его значение в решении проблемы так называемого «типографа Туррекредматы» — первого печатника Польши. Выводы Эстрейхера, относящиеся к Швайпольту Фиолю, ждала иная судьба — со временем была признана их ошибочность. Эстрейхер утверждал, что первые славянские книги печатали два типографа — славянин Фиоль и немец Франк. Эта точка зрения отвергнута современной наукой.

Не принимают ее уже авторы следующих работ о Швай-

¹⁸ См.: П. М. Строев. *Обстоятельное описание старопечатных книг славянских и российских, хранящихся в библиотеке... Ф. А. Толстова*. М., 1829; Он же. *Описание старопечатных книг славянских, находящихся в библиотеке... И. Н. Царского*. М., 1836; В. М. Ундольский. *Каталог славяно-русских книг церковной печати библиотеки А. И. Кастерина*. М., 1848; Он же. *Очерк славяно-русской библиографии*. СПб., 1871; И. П. Каратаев. *Описание славяно-русских книг, напечатанных кирилловскими буквами*. 1491—1730. Том. I. СПб., 1883; А. Попов. *Описание рукописей и каталог книг церковной печати библиотеки А. И. Хлудова*. М., 1872 и мн. др.

¹⁹ См.: И. Каратаев. *Осмогласник 1491 года, напечатанный в Кракове кирилловскими буквами*. СПб., 1876.

²⁰ См.: А. Grabowski. *Starożytność historyczna polskie*, T. 1. Warszawa, 1840, s. 449—454; M. Wiszniewski. *Historia literatury polskiej*. T. 3. Kraków, 1841, s. 483—486; *Acta capitulorum nec non indiciorum ecclesiasticorum selecta*. Ed. B. Ulanowski. Vol. I. Cracoviae, 1894, N 2329 (*Monumenta Medii Aevi Historica res gestas Poloniae illustrantia*, T. XIII).

²¹ См.: K. Estreicher. *Günter Zainer i Świętopelk Fiol*. «Biblioteka Warszawska». T. 3. Warszawa, 1867, s. 161—220.

польте Фиоле — украинские историки Я. Ф. Головацкий (1814—1888)²² и С. Т. Голубев (1849—1920)²³.

Важную роль в историографии вопроса сыграло небольшое исследование П. В. Владимирова (1854—1902), который впервые попытался установить происхождение оригиналов изданий Швайпольта Фиоля²⁴. Оперируя конкретными и убедительными примерами, ученый показал, что краковские славянские инкунабулы связаны с московской рукописной традицией и что предназначались эти издания не для южных славян, как утверждал, например, А. И. Соболевский (1856—1929)²⁵, а для русского, украинского и белорусского народов.

В XX столетии польские исследователи продолжали поиски и публикацию документов о первой славянской типографии. В 1917 г. историк и археограф Ян Пtasник (1876—1930) предпринял поражающую своим объемом и широтой охвата публикацию актовых материалов о краковских ремесленниках XIV—XV вв.²⁶ Опубликовал он и 36 документов о Швайпольте Фиоле (29 из них — впервые). Прошло несколько лет и во Львове вышел в свет новый труд Я. Пtasника — «Краковские типографы XV и XVI вв.» — первый том задуманной, но, к сожалению, не завершенной ученым работы «Памятники польского книгопечатания XV и XVI столетий»²⁷. На страницах этого труда Я. Пtasник довел число опубликованных документов о жизни и деятельности Фиоля до 50-ти.

В 20—30-х гг. нынешнего столетия вопрос о начале славянского книгопечатания неожиданно получил злободневную политическую окраску. Буржуазные украинские и белорусские националисты (И. Огненко, В. Ластовский), а впоследствии — представители так называемого «Остфоршунга» пытались использовать сведения о Швайпольте Фиоле для

²² См.: J. F. Golowatzkij. Sweipolt Fiol und seine kyrillische Buchdruckerei in Krakau vom Jahre 1491. «Sitzungsberichte der phil. — hist. Classe der Kais. Akademie der Wissenschaften». Bd. 83. Wien, 1876, S. 425—448.

²³ См.: С. Т. Голубев. О первопечатных церковно-славянских книгах, изданных в Кракове 1491 г. «Труды Киевской духовной академии», 1884, № 2, стр. 257—268.

²⁴ См.: П. В. Владимиров. Начало славянского и русского книгопечатания в XV—XVI веках. «Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца», Кн. 8. Киев, 1894, стр. 11—34. То же: Киев, 1894 (см. приложение «О краковских изданиях Фиоля» — стр. 24—29).

²⁵ См.: А. И. Соболевский. Заметка о языке печатных изданий Фиоля и Скоринны. «Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца», Кн. 2. Киев, 1888, стр. 192—193.

²⁶ См.: J. Ptasnik. Cracovia artificum 1300—1500. Kraków, 1917.

²⁷ См.: J. Ptasnik. Cracovia impressorum XV et XVI saec. Leopoli, 1922.

идеологической подготовки экспансионистской политики германского фашизма.

Новое слово в историографии вопроса было сказано — после длительного перерыва — лишь в послевоенные годы, когда невиданный расцвет книгоиздательства в народной Польше способствовал пробуждению интереса к прошлому польской книги. Никогда еще книговедческие исследования не проводились здесь столь интенсивно²⁸. Их уровень характеризует многотомный труд «Печатники старой Польши XV—XVIII вв.»²⁹.

Высокой оценки заслуживают источниковедческие и историографические труды Кароля Гейнча, собравшего обильный библиографический материал, относящийся к первой славянской типографии кирилловского шрифта³⁰. Отметим обзорную статью Яна Мушковского, решившего подытожить все то, что стало известно о краковском первопечатнике со времен Эстрейхера и Головацкого³¹.

Тщательное изучение сохранившихся экземпляров изданий Швайпольта Фиоля только начинается в славянских странах и, прежде всего, в Советском Союзе, где сосредоточена основная масса краковских кирилловских инкунабулов. В этой связи следует упомянуть статьи болгарского историка П. Атанасова³². Богатства наших собраний в большинстве своем еще не раскрыты. Неплохо изучены лишь славянские инкунабулы Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина³³.

Переходя к работам советских ученых, отметим исследо-

²⁸ Ср: Е. Л. Немировский. Польские труды по истории книгоиздательского дела и книгопечатания. «Книга. Исследования и материалы». Сб. 6. М., 1962, стр. 255—266.

²⁹ См.: Drukarze dawnej Polski od XV do XVIII wieku. Z. 4—6. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1959—1962.

³⁰ См.: K. Heintsch. Fragment d'ouvrage de Świętopełka Fiola w bibliotece Zakładu im. Ossolińskich we Wrocławiu. «Ze skarbca kultury», 1953, z. 1 (4), s. 78—94; K. Heintsch. Ze studiów nad Szwaipoltem Fiolem. Cz. 1. «Rocznik Zakładu Narodowego im. Ossolińskich», T. 5. Wrocław, 1957, s. 233—342.

³¹ См.: J. Muszkowski. Początki drukarstwa w Krakowie. «Prace polonistyczne». Seria VIII. 1950. Wrocław — Łódź, 1951, s. 9—58.

³² См.: П. А. Атанасов. Славянски кирилски инкунабули в България. «Български език», 1964, кн. 2—3, с. 160—172; Он же, Български текстове в първите славянски инкунабули. «Език и литература», 1966, кн. 5. с. 17—32.

³³ См.: Н. В. Варбанец, В. И. Лукьяненко. Славянские инкунабулы в собрании Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. «Книга. Исследования и материалы». Сб. 2. М., 1960, стр. 187—208.

вания П. Н. Попова, попытавшегося в комплексе рассмотреть деятельность различных славянских типографий XV—XVI вв.³⁴

Нужно назвать и имя старейшего советского книговеда А. А. Сидорова, который задался целью выяснить художественно-технические особенности славянского первопечатания. Ему же принадлежит статья о нерешенных вопросах в истории славянского книгопечатания, первый параграф которой носит название «Краковская загадка»³⁵.

Из краткого историографического очерка, который мы предложили вниманию читателя, явствует, что мы в настоящее время неплохо знаем обстоятельства жизненного пути первого славянского типографа. Документальные материалы краковских архивов, публикация которых по интересующему нас вопросу предпринята Я. Птасником, дают возможность подробно изучить жизнь и деятельность Швайпольта Фиоля. Первичная регистрация и описание первопечатных изданий, выполнены, в основном, русскими библиографами. Эта работа, зафиксированная во многих публикациях, служит как бы путеводителем для всех исследователей, приступающих к изучению славянского первопечатания.

Многие вопросы все еще ждут внимательного исследователя.

Прежде всего необходимо сказать о социально-политических и экономических аспектах возникновения славянского книгопечатания кирилловским шрифтом. Какие силы были заинтересованы в создании первой славянской типографии? Какова была ее экономическая основа? Для кого предназначал свои издания Швайпольт Фиоль, а точнее — те лица, которые направляли его деятельность? На все эти вопросы сколько-нибудь четкие и определенные ответы по сей день не даны.

Первой задачей нашего исследования является выявление социально-экономических, политических и материально-технических предпосылок для возникновения славянской типографии.

Мы неплохо знаем издания, напечатанные Швайпольтом

³⁴ П. М. Попов. Початковий період книгодрукування у слов'ян. Київ, 1958.

³⁵ См.: А. А. Сидоров. Художественно-технические особенности славянского первопечатания. В сб.: У истоков русского книгопечатания. М., 1959, стр. 42—80; Он же: Узловые проблемы и нерешенные вопросы истории русского книгопечатания. «Книга. Исследования и материалы». Сб. 9. М., 1964, стр. 13—36.

Фиолем. Однако знание это ограничено деталями и аспектами чисто описательного плана. Лингвистическое изучение изданий только-только начато работами П. В. Владимирова. Никто и никогда не пытался предпринять систематическое исследование состава славянских инкунабулов, сравнить их в этом отношении с рукописями и с более поздними изданиями. Совершенно не изучена типографская техника Шваймпольта Фиоля. Необходим также подробный и исчерпывающий полный учет всех сохранившихся экземпляров краковских инкунабулов

Тщательное изучение изданий Шваймпольта Фиоля составляет вторую задачу нашего исследования. Полученные в результате исследования факты мы постараемся использовать для анализа условий возникновения и первых шагов славянского книгопечатания кирилловским шрифтом.

1. ИСТОКИ СЛАВЯНСКОГО КНИГОПЕЧАТАНИЯ.

Книгоиздательство является одной из идеологических форм, порожденных материальной жизнью общества и отражающих условия этой жизни. Как надстроечное явление оно всецело подчиняется известным положениям исторического материализма о взаимоотношениях базиса и надстройки. Будучи тесно связано с экономическим строем общества, являясь порождением этого строя, книгоиздательство возникает и развивается в тесной связи с другими надстроечными явлениями — политическими и религиозными учениями, наукой, литературой, искусством...

Все это вместе взятое заставляет нас начать разговор об истоках славянского книгопечатания с анализа социально-экономических и политических предпосылок возникновения первой кирилловской типографии.

Социально-экономические и политические предпосылки. Славянское книгопечатание кирилловским шрифтом возникает в Польше в самом конце XV в. В начале столетия объединенными усилиями славянских народов была остановлена немецкая экспансия, издавна угрожавшая Польше, Чехии, Литве и Московской Руси. 15 июля 1410 г. польско-литовско-русская армия наголову разбила Тевтонский орден в кровопролитной битве под Грюнвальдом. Новая война с орденом, начавшаяся в 1454 г. и продолжавшаяся почти 13 лет, снова принесла победу Польше, которая, подписав

в 1466 г. Торуньский мир, приобрела столь нужный стране выход к морю.

Королем в эту пору был Казимир IV Ягеллончик (1427—1492), избранный на польский престол в 1447 г. и просидевший на нем 45 лет. Казимир был и великим князем литовским. Так возобновилась прервавшаяся было личная польско-литовская уния, судьбы которой имели немаловажное значение для возникновения славянского книгопечатания.

С первых самостоятельных шагов Литовского государства на внешнеполитической арене оно вобрало в себя русские, а точнее — белорусские и украинские земли. Политический вес украинцев и белоруссов был высоким. Во многих крупных городах страны владетельными магнатами продолжали сидеть русские князья — Рюриковичи. Но и пришедшие магнаты — Гедиминовичи в значительной степени обрусели. В великокняжеской думе заседали представители влиятельных белорусских и украинских фамилий — Воловичи, Вяжичи, Глинские, Друцкие, Острожские, Сапегы, Ходкевичи...

Белоруссы и украинцы исповедовали православие, поляки сохраняли верность римской курии. Существование двух различных «вер» было серьезным препятствием на пути к полному подчинению Великому княжеству Литовскому Польше.

В польско-литовских феодальных кругах издавна существовала мысль об унии между католической и православной церквями. Такая уния была провозглашена в 1439 г. Флорентийским собором. Решение было сугубо номинальным — Карл Маркс отмечал его фиктивный характер и называл шарлатанством³⁶. Принятие унии не повлекло на первых порах никаких изменений в богослужебной практике и, в частности, оставило в неприкосновенности старые церковнослужебные книги. В Великом княжестве Литовском продолжали писать и переписывать книги, которые и в строго ортодоксальной Москве не могли не посчитать православными. Помянутый вывод важен нам по той простой причине, что он позволяет утверждать: продукция первой славянской типографии, работавшей в сердце католической Польши, несмотря на церковную унию 1439 г., могла рассчитывать на распространение как в пределах Московской Руси, так и в границах примкнувшего к унии Великого княжества Литовского.

Возникновению кирилловской типографии в Кракове способствовала гибкая внутренняя политика короля Казимира Ягеллончика, умело ставившего на службу своим интересам

³⁶ Архив Маркса и Энгельса, т. 6, стр. 251.

враждебные друг другу или соперничавшие одна с другой силы: Литву и Польшу, православных белорусско-литовских магнатов и католическую церковь, воинствующий обскурантизм монашеских орденов и гуманизм прогрессивно настроенной профессуры Краковского университета. Используя противоречия между крупными феодалами-можновладцами и мелкопоместной шляхтой, между духовными и светскими феодалами, между православной и католической церквями, становясь то на одну, то на другую сторону, король никогда не забывал о своей конечной цели — создании сильного централизованного государства³⁷.

В определенный момент создались такие условия, когда деятельность типографии, выпускавшей «схизматические» с точки зрения католиков книги, соответствовала политике Казимира. Некоторые историки даже видели в возникновении славянского книгопечатания направляющую руку короля³⁸. Мы такой точки зрения не придерживаемся — для этого у нас попросту нет документальных оснований.

Политику централизации всячески поддерживал Краковский университет, но без влияния которого королевский двор стал одним из центров гуманистического движения. Преподаватели и воспитанники университета сыграли исключительную роль в становлении книжной культуры в Польше. Воспитание любви к книге, уяснение ее роли в истории общества создают благоприятные предпосылки для возникновения книгопечатания.

При университете с первых лет его существования стали формироваться книжные собрания, которые впоследствии послужили основой прославленной Ягеллонской библиотеки³⁹. Пополнялись университетские собрания, главным образом, за счет личных профессорских и преподавательских библиотек, состав которых был недавно изучен В. Шелиньской⁴⁰.

Начало книгопечатания в Кракове хронологически совпадает с первыми уверенными шагами того общественного и культурно-исторического феномена, который принято называть польским Возрождением. По стародавней традиции явля-

³⁷ Ср.: История Польши. Т. I. Под ред. В. Д. Королюка, И. С. Миллера, П. Н. Третьякова. М., 1954, стр. 130 и сл.

³⁸ Ср.: K. Morawski. Historia Uniwersytetu Jagiellońskiego. Średnie wieki i Odrodzenie. T. 2. Kraków, 1900, s. 70.

³⁹ См.: J. Zathley, A. Lewicka-Kamińska, L. Hajdukiewicz. Historia Biblioteki Jagiellońskiej. T. 1. 1364—1775. Kraków, 1966.

⁴⁰ См.: W. Szelińska. Biblioteki profesorów Uniwersytetu Krakowskiego w XV i początkach XVI wieku. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1966.

ния гуманизма чаще всего исследуют на литературоведческом материале. Между тем «величайший прогрессивный переворот из всех пережитых до того времени человечеством»⁴¹ имел последствия во многих областях человеческой деятельности. В орбиту явлений, порожденных гуманистическим движением и ставших его мощным оружием, пужно включить и книгопечатание⁴².

Вслед за современными польскими исследователями отметим, что начало польского гуманизма восходит к первым десятилетиям XV в. Одним из активнейших пропагандистов новых идей был воспитатель венгерского короля Матвея Корвина, а впоследствии львовский архиепископ Гжегож из Санока (1406—1477).

В диссертации рассматривается разносторонняя деятельность итальянского поэта, историка и философа Филиппо Буонаккорси-Каллимаха (1437—1496), приехавшего в Польшу в 1470 г. Каллимах воспитывал детей Казимира IV Ягеллончика и неоднократно выполнял дипломатические поручения короля, основал школу польско-латинских поэтов и стал зачинателем польской биографической литературы⁴³. Тесные связи могут быть прослежены между Каллимахом и первой краковской типографией, возникшей в 70-х гг. XV в. Некоторые историки считали Филиппо Буонаккорси инициатором основания и первой славянской типографии кирилловского шрифта⁴⁴. На наш взгляд, на деятельность Швайпольта Фиоля значительно большее влияние оказал Конрад Цельтис (1459—1508), с именем которого, по мнению новейшего исследователя, «неразрывно связан этап, завершивший более чем полувековой процесс зарождения и первоначального развития гуманизма»⁴⁵.

В диссертации рассмотрен жизненный путь Цельтиса, собраны и проанализированы его высказывания о книгопечатании, которыми, странным образом, по сей день не заинтересовались историки книжного дела. Где бы ни появлялся Кон-

⁴¹ Ф. Энгельс. Диалектика природы. М., 1953, стр. 4.

⁴² Ср.: А. Kawecka-Gryczowa. Rola drukarstwa polskiego w dobie Odrodzenia. «Odrodzenie w Polsce». Т. 4. Warszawa. 1956, s. 464—522.

⁴³ Ср.: Л. В. Разумовская, Б. Ф. Стахеев. Литература польского Возрождения. В кн.: История польской литературы. Том I. М., 1968, стр. 30.

⁴⁴ См.: J. Szujski. Odrodzenie i reformacja w Polsce. Kraków, 1881, s. 59—60.

⁴⁵ А. Н. Немилев. Первые гуманистические кружки в Нюрнберге и их роль в развитии раннего немецкого гуманизма. В сб.: Из истории древнего мира, средних веков и нового времени. Л., 1958, стр. 113.

рад Цельтис, в какой бы город он ни приезжал, он прежде всего завязывал связи с местными типографами. В Лейпциге он дружил с Конрадом Кахельофеном, в Венеции — с прославленным Альдом Пиет Мануцием, в Аугсбурге — с Эрхардом Ратдольтом. Его книги издавал знаменитый нюрнбергский типограф Антон Кобергер, а иллюстрировал Альбрехт Дюрер. Приехав в Краков в 1489 г., Цельтис собирает вокруг себя кружок молодых любителей науки и поэзии, членами которого становятся многие из тех людей, которые пересекали жизненный путь Швайпольта Фиоля. Да и сам славянский типограф, возможно, посещал занятия и веселые пирушки кружка. Много лет спустя, покинув Краков, в письме к профессору Яну Зоммерфельду из Вены Конрад Цельтис передавал привет Швайпольту Фиолю и просил прислать напечатанные им славянские книги ⁴⁶.

Славянское книгоиздательство было реализацией гуманистических идей о всеобщем просвещении. Идеи эти были восторженно встречены украинцами и белоруссами — воспитанниками Краковского университета. Не исключено, что вопрос о создании типографии кирилловского шрифта в той или иной форме дискутировался с Москвой.

В связи с последним предположением в диссертации рассмотрены русско-польские дипломатические связи, которые были весьма оживленными в годы, непосредственно предшествующие основанию славянской типографии. Говорится и о взаимоотношениях в области культуры. Исключительный интерес для нашей темы представляет так называемое «Послание от друга к другу» — письмо русского архитектора второй половины XV в. Василия Ермолина видному чиновнику и дипломату Великого княжества Литовского Якубу ⁴⁷. В письме идет речь о просьбе Якуба прислать ему русские книги, среди которых назван и Осмогласник (или Октоих) — первая книга, вышедшая из типографии Швайпольта Фиоля. Якуб имел связи с Краковом — его сын Адам Якубов учился в Краковском университете. Не исключено, что Василий Ермолин и Якуб были звеньями той цепочки, по которой из

⁴⁶ См.: Н. Rupprieh. Der Briefwechsel des Konrad Celtis. München, 1934, S. 355.

⁴⁷ См.: А. Д. Седельников. Послание от друга к другу» и западно-русская книжность XV в. «Известия Академии наук СССР. VII серия. Отделение гуманитарных наук», 1930, № 4, стр. 223—238; Хрестоматия по истории СССР с древнейших времен до конца XV в. Под ред. М. Н. Тихомирова. Сост. Л. В. Милов, А. И. Рогов, М. Н. Тихомиров. М., 1960, стр. 610—617.

Москвы в Польшу были переданы оригиналы изданий первой славянской типографии.

В последние годы правления короля Казимира Ягеллончика начала поднимать голову католическая реакция, которая постепенно переходит в наступление против гуманистического воззрения и его носителей в Польше. Положение гуманистов резко осложнилось после смерти в 1492 г. короля Казимира. Большинство членов кружка Конрада Цельтиса покидает Краков. Среди них был и славянский первопечатник Швайпольт Фиоль.

Материально-технические предпосылки и западноевропейская традиция. Книгопечатание в Европе появляется в ту пору, когда технический прогресс и рост товарно-денежных отношений вызывают кризис цехового строя. Используя технические достижения отдельных ремесел, типографское дело возникает в недрах цехового строя, но не воспринимает его организационные формы. С первых шагов, даже при наличии мастера-универсала, в типографиях бытует широкое разделение труда. Печатный станок далек от орудий труда ремесленников и уже содержит в себе некоторые элементы машины.

Отличительные особенности книгопечатания по сравнению с основной массой средневековых ремесел явились причиной того, что эта новая отрасль одной из первых прокладывала пути товарному производству к мануфактурному разделению труда. Сюда скорее всего проникает торговый капитал — ниже мы узнаем, что первую славянскую типографию финансировал банкирский и промышленный дом Турзо. И здесь же, на самых ранних этапах развития, мы встречаемся с наемными рабочими⁴⁸.

С вопросом о материально-технических предпосылках тесно связана проблема западноевропейской традиции в возникновении славянского книгопечатания. Люди, решившие основать кирилловскую типографию, должны были хорошо знать, что такое печатная книга и какие преимущества она имеет перед рукописной. А первым славянским типографам следовало где-то освоить нелегкую для новичка премудрость полиграфических процессов.

При оживленных взаимосвязях между Краковым и немецкими городами весть об изобретении книгопечатания пришла

⁴⁸ Ср.: В. А. Якубский. Из истории развития мануфактуры в Польше в конце XV — начале XVII вв. В сб.: Из истории древнего мира, средних веков и нового времени. Л., 1958, стр. 139—167.

в Польшу вскоре же после первых удачных опытов Иоганна Гутенберга (ум. 1468 г.). Были завезены сюда и первенцы печатного станка — календари, индульгенции, а особенно — элементарный учебник латинской этимологии, составленный римским грамматиком Элием Донатом.

О том, что издания Гутенберга были завезены в Польшу, говорят находки фрагментов этих изданий в польских библиотеках. Назовем 33-строчный «Донат», напечатанный шрифтом 42-строчной Библии, который был извлечен из рукописи Ягеллонской библиотеки, написанной около 1467 г.⁴⁹ Назовем также известный «инкунабул 2267» той же библиотеки, скомплектованный в XIX в. из фрагментов, обнаруженных в переплетах различных рукописных и печатных книг. В его составе пробный оттиск приписываемого Гутенбергу «Астрономического календаря», одна из страниц до того времени никому не известной 40-строчной Библии, напечатанной тем же шрифтом, что и календарь, пробные оттиски 27-строчного «Доната»⁵⁰.

В Ягеллонской библиотеке по сей день находится экземпляр «Католикона» Иоанна Бальба, напечатанный в Майнце в 1460 г. — возможно, самим Гутенбергом. На книге — дарственная запись бакалавра Краковского университета Яна из Ярогневич⁵¹.

Магистр и лицензиат прав Краковского университета Павел Пучек в 1465 г. подарил библиотеке другое майнцкое издание 1460 г.⁵²

В диссертации приведены и другие примеры, позволяющие утверждать, что первенцы европейского книгопечатания достаточно широко бытовали в Кракове уже в 60—70-х гг. XV в. Более поздние издания, вышедшие в свет в 70—80-х гг. в различных городах Германии, Италии, Швейцарии, не составляют редкости в польских собраниях инкунабулов.

Одного знакомства с печатными книгами для создания собственной типографии было, конечно, мало. Нам уже приходилось говорить о том, что книгопечатание не может быть просто перенесено из одной страны в другую⁵³. Для успешной

⁴⁹ См.: A. Lewicka — Kamińska. Neues Donatfragment in der Type der 42zeiligen Bibel in der Jagiellonischen Bibliothek. «Festschrift Hans Lülfing». Leipzig, 1966, S. 13—16.

⁵⁰ См.: A. Lewicka — Kamińska. Inkunabuly Biblioteki Jagiellońskiej. Kraków, 1962, s. XXII—XXV.

⁵¹ Там же, № 596.

⁵² Там же, № 597.

⁵³ См.: Е. Л. Немировский. Возникновение книгопечатания в Москве. Иван Федоров. М., 1964, стр. 104.

«акклиматизации» типографии на новом месте необходимо, чтобы здесь имелся некоторый минимум развития производительных сил.

Комплекс технических приемов, лежащий в основе книгопечатания, включает гравирование по металлу (изготовление пуансонов), литье (изготовление шрифта), а также само печатание, понимаемое под последним перенос красочного изображения с некоторой формы на воспринимающую поверхность. Все эти приемы были хорошо известны в Польше XV столетия. Многие из них применялись при изготовлении печатей, получивших в Польше исключительно широкое распространение⁵⁴.

Кроме литья и резьбы по металлу, будущий типограф должен был освоить технику гравирования по дереву. Здесь на помощь ему мог быть призван опыт, накопленный краковскими картовниками — мастерами, изготовлявшими игральные карты.

Одним из пробных камней полиграфической техники была листовая фигурная и орнаментальная гравюра, которая в странах Западной Европы предшествовала гравюре иллюстрационной, прикнижной. В нашем распоряжении нет польских гравюр, предшествовавших первопечатным краковским изданиям. Однако вопрос изучен недостаточно — мы не сомневаемся, что в этой области возможны самые неожиданные находки⁵⁵.

В Польше хорошо знали западную гравюру — об этом говорит широкое использование гравюрных мотивов в книжной миниатюре. В диссертации приведены конкретные примеры из практики, например, мастерской краковского миниатюриста, исполнившей в конце XV — начале XVI в. по заказу короля Яна Ольбрахта (1459—1501) ряд превосходно иллюминированных и орнаментированных кодексов⁵⁶.

В годы, когда в Кракове работала первая славянская типография, здесь жил и трудился замечательный художник Вит Ствош (ок. 1445—1533), автор прославленного алтаря в костеле св. Марии. Известно 10 гравюр, исполненных Витом Ствошом по меди⁵⁷. Художник поддерживал тесные деловые

⁵⁴ См.: M. Gumowski. *Handbuch der polnischen Siegelkunst*. Graz, 1966.

⁵⁵ См.: A. Betterówna. *Polskie ilustracje książkowe XV i XVI wieku*. «Prace Sekcji historii sztuki i kultury Towarzystwa naukowego we Lwowie». T. 1. Lwów, 1929, s. 289—399.

⁵⁶ См.: Z. Rozanow. *Gnieźnieński Kodeks Olbrachta*. «Studia Renesansowe». T. 4. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1964, s. 380—469.

⁵⁷ См.: S. Sawicka. *Ryciny Wita Stwosza*. Warszawa, 1957.

взаимоотношения с Яном Турзо, финансировавшим Швайпольта Фиоля, был близок и с гуманистическими кругами. Ему не раз приписывали авторство гравюр в первых книгах кирилловского шрифта, с чем мы ни в коем случае согласиться не можем. Однако не исключено, что эти гравюры выполнил один из учеников Ствоша.

Говоря о материально-технических предпосылках возникновения краковских типографий, нельзя обойти опыт, накопленный в мастерских-скрипториях, где создавались рукописные книги. Во второй половине XV в. в Кракове работало несколько таких мастерских. Крупнейшим художником книги, трудившимся здесь в те годы, когда создавалась славянская типография, был Бальтазар Бехем (ум. 1508 г.) — автор прославленного кодекса с миниатюрами, изображающими мастерские польских ремесленников⁵⁸.

Всевозможные технические приемы формирования и оформления книги, выработанные в рукописных мастерских, были с успехом использованы первыми типографами.

Начало книгопечатания в Польше. Швайпольт Фиоль не был первым польским типографом. До него — в 70-х годах XV в. — в Кракове существовала по крайней мере одна типография, выпускавшая книги и листовки на латинском языке. Опыт, накопленный в этой мастерской, мог быть использован славянским первопечатником. К нему могло перейти и некоторое оборудование.

Литература о начале книгопечатания в Польше обильна — в диссертации дан подробный обзор ее (работы И. М. Дениса, Г. В. Цапфа, Г. В. Панцера, Е. С. Бандтке, И. Лелевеля, К. Эстрейхера, И. Полковского, И. Коллийна, К. Ружицкого, К. Пекарского, Ю. Серуги, Я. Мушковского, А. Биркенмайера, А. Кавецкой-Грычовой, Б. Коцовского, А. Левицкой-Каминьской и др.).

Автор этих строк вносит небольшие коррективы в исторно-графическую картину вопроса. По сей день считалось, что одно из четырех изданий первой краковской типографии — богословский труд Франциска де Платеа, был обнаружен в 1879 г. И. Полковским (1833—1888) и впервые описан им же в 1880 г.⁵⁹ Между тем честь открытия издания следует отдать русскому библиофилу А. С. Норову (1795—1869), описавшему его еще в 1868 г.⁶⁰

⁵⁸ См.: Z. Ameisnowa. Kodeks Baltazara Behema. Warszawa, 1961.

⁵⁹ См.: I. Polkowski. Nieznany druk krakowski z XV wieku. «Rozprawy Akademii Umiejętności. Wyd. Filolog.» Т. 8. Kraków, 1880.

⁶⁰ См.: Библиотека Авраама Сергеевича Норова. Ч. I. СПб., 1868, стр. 189, № 282.

Почетный титул первого польского типографа присваивали разным людям, ибо имя печатника не указано ни в одном из краковских латинских инкунабулов. Не указано и место печати. Лишь в одной из книг — «Толковании Псалтыри» Иоанна Туррекредматы (1388—1468) в выходных сведениях стоит *Scacis impressa*, что толкуется обычно как «Напечатано в Кракове».

И. Денис и Г. Цапф первым польским типографом считали выходца из Аугсбурга Гюнтера Цайнера, И. Коллийн — баварца Каспара Гохфедера, Ю. Серуга — саксонца Каспара Штраубе. Однозначно вопрос не решен по сей день. Автор этих строк считает, что в основании первой польской типографии на разных ролях могли участвовать различные лица. Прославленный впоследствии издатель Ян Галлер мог выступать в качестве финансиста, упоминающиеся в архивной документации Ганс Кригер и Ганс Пепелау — в качестве владельцев типографии, Каспар Штраубе и Каспар Мельчер, имя которого обнаружено А. Левицкой-Каминьской на переплете одного из краковских инкунабулов⁶¹, — в качестве мастеров. Пока не будут найдены материалы и документы, непосредственно называющие имя первого польского типографа, нам, чтобы не ошибиться, остается пользоваться описательным наименованием — «мастер Туррекредматы».

В диссертации описаны краковские латинские инкунабулы — «Толкование Псалтыри» Иоанна Туррекредматы (варианты А и В), богословский трактат монаха Франциска Де Платеа (ок. 1390—1460), «Сочинения» раннего христианского богослова и философа Аврелия Августина (354—430) и листовка «Краковский альманах на 1474 г.».

Все издания (кроме листовки) изучены автором по экземплярам Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина⁶², а также по экземплярам Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина⁶³. В результате изучения удалось внести коррективы в традиционные библиографические описания краковских инкунабулов.

Произведен учет всех сохранившихся экземпляров первен-

⁶¹ См.: А. Lewicka — Kamińska. *Początki drukarstwa w Krakowie. «Księga pamiątkowa ku czci Karola Estreichera»*. Kraków, 1964, s. 233—257.

⁶² ЛБ, Inc. 4.67; Inc. 4.52; Inc. 4.5.

⁶³ Н. В. Варбанец, В. И. Лукьяненко. *Славянские инкунабулы в собрании Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова — Щедрина в Ленинграде. «Книга. Исследования и материалы. Сб. 2. М., 1960, стр. 189—193.*

цев польского книгопечатания по доступной автору литературе. Учтены 31 экземпляр «Туррекрематы», 20 — «Платеа», 14 — «Августина».

Исключительно важным представляется вопрос о том, кто стоял у истоков польского книгопечатания. Неоднократно утверждалось, что возникновение первой краковской типографии связано с деятельностью «нищенствующего» монашеского ордена францисканцев. А. Кавецка-Грычова недавно уточнила, что в этом случае правильнее говорить о ветви францисканского братства — бернардинах⁶⁴. Это мнение в последние годы становится чуть ли не общепринятым. На чем оно основано? Единственно — на владельческих записях в сохранившихся экземплярах краковских инкунабулов — записях, связанных с францисканцами и бернардинами. Таких записей четыре. Напомним, что в литературе описано 65 экземпляров первопечатных краковских изданий. Не слишком ли мало соотношение 4 : 65 для серьезного вывода о причастности «нищенствующего» монашеского ордена к основанию первой типографии на территории Польши? И не правильнее ли говорить об особом интересе монахов лишь к трактатам францисканца де Платеа — ни в одном из других изданий краковской типографии записей бернардинов и францисканцев не обнаружено.

Идеология монашеских орденов активно враждебна просвещению и науке. Мы считаем более правильным поставить у истоков польского книгопечатания гуманистов и передовые профессорские круги Краковского университета. Несомненные тесные связи, существовавшие между первой типографией и Каллимахом — мы доказываем этот тезис анализом издательского репертуара типографии.

Много владельческих записей рассказывает о воспитанниках Краковского университета, в библиотеках которых имелись издания первой типографии. В этой связи необходимо назвать имена профессоров Андрея из Лабишина, Марциана Бима из Олькуша, Михаила из Быстжыкува, магистра Яна Михаловского.

Собранные нами данные о владельцах краковских инкунабулов свидетельствуют о связях, существовавших между первой типографией и Краковским университетом. По крайней мере, о существовании таких контактов мы можем гово-

⁶⁴ См.: А. Kawecka — Gryczowa. Op. cit., s. 470.

ритель с большим основанием, чем о связях между типографией и монашескими орденами.

Последнее известное нам издание краковской типографии — «Сочинения» Августина — вышло в свет предположительно в 1476—1477 гг. Далее, на протяжении 14 лет, вплоть до появления первых книг Швайпольта Фиоля, в Польше как будто бы печатные издания не выпускались. Между тем деятельность гуманистических кругов в эти годы была весьма активной. Как объяснить тот факт, что издательская деятельность, столь успешно начатая, неожиданно прекратилась, причем без каких-либо видимых причин? Ответ на этот вопрос дала гипотеза, выдвинутая недавно Э. Шандоровской. Исследовательница предположила, что в 70-х гг. XV в. в Польше были выпущены еще семь книг, напечатанных одним и тем же шрифтом, но лишенных выходящих данных⁶⁵. По названию одной из книг типографа их описательно именовали «печатником Бесед папы Льва I».

25 из 51 сохранившегося экземпляра изданий «печатника Бесед» хранятся в польских библиотеках или происходят из Польши. Важные аргументы в пользу польского происхождения этих инкунабулов дало изучение бумаги — большинство изданий напечатано на бумаге, водяные знаки которой аналогичны филиграммам, обнаруженным в книгах «печатника Туррекрематы». Наиболее серьезным доводом представляется указание на определенные гуманистические симпатии «печатника Бесед» и на точки соприкосновения его изданий с кругом интересов Филиппо Буонаккорси-Каллимаха.

Для истории польского первопечатания большой интерес представляют сведения о деятельности вроцлавского первотипографа Каспара Элиана (ок. 1430—1486), на страницах изданий которого в 1475 г. появился первый печатный польский текст, а также о деятельности польских типографов за границей (Ян Адам и Станислав Полонус).

К концу 80-х гг. XV в., когда Швайпольт Фиоль и Ян Турзо задумали организовать печатание славянских книг кирилловского шрифта, в Кракове несомненно имелись люди, хорошо знающие типографскую технику. Фиолю не пришлось осваивать полиграфические приемы самоучкой — это с неизбежностью отразилось на облике первых славянских книг, к изучению которых мы приступаем.

⁶⁵ См.: E. Szandorowska. Tajemnicza oficyna drukarska XV w. «Rocznik Biblioteki Narodowej». Т. 3. Warszawa, 1967, s. 321—346.

II. ПЕРВЫЕ СЛАВЯНСКИЕ ПЕЧАТНЫЕ КНИГИ

У истоков славянского книгопечатания кирилловским шрифтом лежит группа книг, в которую одни исследователи включают четыре издания, а другие — пять. Два из них — Осмогласник (или Октоих) и Часослов — имеют выходные сведения, в которых указано время издания — 1491 г., место — Краков и имя типографа — Швайпольт Фиоль. Два других — Триоди постная и цветная — анонимны, однако происхождение их из того же источника давно доказано и дискуссии не подлежит. Существование пятой книги — Псалтыри с воследованием, — известной лишь по литературным данным, сомнительно.

Порядок выпуска краковских славянских изданий в свет не известен. Нашу точку зрения мы мотивируем впоследствии. Пока же условно примем следующий порядок: Октоих, Часослов, Триодь постная, Триодь цветная.

Прежде чем приступить к рассказу об этих изданиях, отметим некоторые характерные особенности принятой нами методики. Разделы диссертации, посвященные отдельным изданиям Фиоля, открываются параграфами, повествующими об истории их изучения. Мы старались зарегистрировать все известные в литературе упоминания об отдельных экземплярах краковских славянских инкунабулов, а затем выясняли судьбу этих экземпляров. Если они сохранились по сей день, мы знакомимся с ними *de visu*. Такая методика позволила автору выявить все описанные и все сохранившиеся экземпляры изданий Швайпольта Фиоля⁶⁶.

Далее мы изучаем вкладные и владельческие записи, даем общее описание изданий, приводим сведения о составе книги, о ее языковых и правописных нормах, изучаем водяные знаки бумаги, знакомимся со шрифтом, фигурными гравюрами и орнаментикой.

Мы сочли полезным дать библиографическое описание изданий Швайпольта Фиоля в качестве приложения к автореферату.

Октоих 1491 г. В литературе известны упоминания о 8 экземплярах краковского Октоиха. Из них сохранилось 6, причем все они находятся в нашей стране. В диссертации описаны эти экземпляры, а также небольшой фрагмент изда-

⁶⁶ См.: Е. Л. Немировский. Славянские инкунабулы и палеотипы кирилловского шрифта в книгохранилищах Советского Союза. «Советское славяноведение», 1968, № 1, стр. 11—25.

ния, который до сего дня ни разу не упоминался. Самый полный из известных экземпляров был найден в 1965 г. экспедицией Русского музея в деревне Заозерье Архангельской области — в настоящее время он хранится в Научной библиотеке Ленинградского государственного университета⁶⁷.

Изучение вкладных и владельческих записей в сохранившихся экземплярах Октоиха интересных результатов не дало.

Приводя общее описание издания, мы корректируем противоречивые сведения о количестве листов и тетрадей, сообщаемые отдельными библиографами. Пагинации (нумерации листов или страниц) ни одно из изданий Швайпольта Фиоля не имеет. В трех из этих изданий пагинацию заменяет последовательно возрастающий ряд кирилловских чисел, проставленных на первых четырех, пяти или шести листах каждой тетради (эти числа мы условно называем сигнатурой).

Для определения порядкового номера листа по сигнатуре, проставленной на всех листах первой половины тетрадей, мы вывели формулу:

$$[(a+v) \times 2] - \left(\frac{c}{2} + v \right),$$

где a — порядковый номер сигнатуры, c — количество листов в тетради и v — число, которое нужно добавить к порядковому номеру сигнатуры, чтобы сумма делилась на $\frac{c}{2}$ ⁶⁸.

Октоих — одна из наиболее употребляемых богослужебных книг православной церкви. Книга содержит молитвословия, предназначенные для определенных, так называемых подвижных дней седмичного круга. Возникновение греческого оригинала книги относят к VIII—X вв., первые сведения о славянских переводах — к началу XIV в.⁶⁹. К XIV в. восходят и древнейшие из сохранившихся русских рукописей сокращенной редакции славянского Октоиха — так называемого

⁶⁷ ЛГУ, № 5362. См.: А. Х. Горфункель. Каталог инкунабулов. Л., 1967, стр. 31, № 84 (Ленинградский государственный университет. Научная библиотека им. М. Горького). Ср. нашу рецензию: «Zentralblatt für Bibliothekswesen», 1968, Heft 12, S. 749—752.

⁶⁸ См.: Е. Л. Немировский. Определение порядкового номера листа по сигнатуре. «Издательское дело. Книговедение». Научно-информационный сборник. № 2. М., 1968, стр. 44—45.

⁶⁹ См.: История на българската литература. Т. I. София, 1962, стр. 286—287.

Параклитика⁷⁰. Позднее появляются переводы полного или «великого» Октоиха⁷¹.

Во второй половине XV в. возникает новая расширенная редакция Параклитика с изложением воскресных служб всех гласов, а также служб остальных дней недели для какого-либо одного гласа. Сохранившиеся рукописи этой редакции имеют московское или новгородско-псковское происхождение⁷². Скорее всего, именно к этой редакции восходит текст краковского издания.

Лингвистические нормы Октоиха 1491 г. восходят к русской рукописной традиции со значительными следами южнославянского влияния. Лексика дополнительных текстов, внесенных редактором или наборщиком (указатель сигнатур и краткое послесловие), обнаруживает украинские диалектные особенности.

Наборщик Октоиха широко использует «юс большой» вместо «у» или «ю», причем нередко ставит в одних и тех же словах как ту, так и другие буквы. «Юс малый» употребляется вместо йотированного «а». Йотированные носовые гласные, а также йотированное «е», которые широко встречаются в южнославянских изданиях, в Октоихе 1491 г. мы не найдем. Буквы «кси», «пси» и «ижица» встречаются редко, причем исключительно в словах греческого происхождения. В Октоихе 1491 г. широко используются парные буквы для обозначения одного и того же звука. Характерным для изданий Швайпольта Фноля является большое количество литер для передачи гласного звука «о»: парные буквы «он» и «от», «о узкое», «о широкое», сопряженные «о» с точками внутри, удлиненное «о» с точками внутри, «о» с крестом. Все эти графические варианты обычны в московских рукописях XV—XVI вв., однако источник их следует искать на землях южных славян.

Редуцированные гласные редактор или наборщик краковского инкунабула сохраняет как в сильном, так и в слабом положении, в чем сказывается влияние южнославянской традиции, заметной во многих русских, белорусских и украинских памятниках XV в. Заднеязычные согласные «к», «г», «х» наборщик Октоиха произносил твердо и сочетал их с гласной «ы». Шипящие в первом славянском инкунабуле, как пра-

⁷⁰ ОРЛБ, ф. 178, № 1364; ГИМ, Син. 837; ГИМ, Син. 838.

⁷¹ Ср. новгородский список 1436 г. ГИМ, Син. 199.

⁷² ГИМ, Син. 707; ОРЛБ, ф. 304, №№ 375 и 376.

было, мягкие. В окончаниях после свистящей аффрикаты «ц» нередок «ерь». На наш взгляд, это говорит в пользу северо-восточного происхождения оригинала Октоиха 1491 г., ибо в украинских и белорусских говорах отверждение шипящих и аффрикат началось в более ранний период.

В словах со старославянским сочетанием «дж» в Октоихе наблюдается как болгарское «жд», так и древнерусское «ж». Это также говорит о русском происхождении оригинала. О том же свидетельствует ряд морфологических особенностей — например, форма дательного и предложного падежей личного местоимения 2-го лица с «о» в основе и флексией «ять». Отметим русскую форму числительного «двенадцать» — «обанадесять» в противовес обычной в южнославянских изданиях форме «дванадесять».

Примеры языковых и правописных норм Октоиха 1491 г., приведенные в диссертации, не могут быть признаны исчерпывающе полными, но они все же позволяют утверждать, что оригинал краковского инкунабула возник на московских или новгородско-псковских землях.

Графика кирилловского шрифта краковских инкунабулов, на наш взгляд, восходит к раннему русскому полууставу начала XV в. Ее особенности — перпендикулярность основных вертикальных штрихов литер к линии шрифта, отсутствие лигатур, наличие засечек на концах основных вертикальных штрихов, а также треугольных засечек — на концах горизонтальных штрихов.

Наборщик первой славянской типографии применял оригинальные методы набора и верстки, вытекавшие из того факта, что шрифт типографии имел отдельно отлитые надстрочные знаки и буквы. Интересно отметить, что южнославянские типографии и белорусский первопечатник Франциск Скорина откажутся от этой технологии, а возродят ее в несколько усложненном виде московские первопечатники.

В диссертации дан анализ композиционных и стилиевых особенностей гравированного на дереве фронтисписа Октоиха 1491 г., изображающего распятие. Оригиналом для него послужило иконописное изображение «Распятия», созданное на западноукраинских землях, но во многом следовавшее трактовке сюжета, сложившейся в мастерской Андрея Рублева. Что же касается мастера, то им мог быть гравер, учившийся у Вита Ствоша, а впоследствии работавший в краковской типографии Яна Галлера. Об идентичности «мастера фронтисписа» и «мастера типографии Галлера» заставляет

говорить близость техники и стилистических приемов обоих мастеров.

Изучение оттисков гравированной геральдической композиции, предпосланной выходным сведениям Октоиха и Часослова, во всех сохранившихся оттисках и всех репродукциях привело автора к выводу, что в этом случае использовалась одна доска, а не две, как это считалось до последнего времени.

Автор анализирует технику двухкрасочной печати, применявшуюся в типографии Фиоля, и показывает, что эта техника впоследствии была заимствована всеми славянскими типографами (за исключением Франциска Скорины и печатников московской Анонимной типографии — в их первых изданиях).

Изучение водяных знаков бумаги Октоиха 1491 г. принято по трем экземплярам книги. Впервые установлено распределение различных сортов бумаги в отдельных тетрадах. При печатании книги использовалась бумага 13 различных сортов, однако большая часть книги напечатана на бумаге французского происхождения с филигранью «маленький гладкий кувшинчик» (Лихачев, № 3383—3385).

Часослов 1491 г. Второй краковский инкунабул кирилловского шрифта встречается значительно чаще, чем первая книга Швайпольта Фиоля. Нам удалось выявить 22 экземпляра Часослова и 4 сравнительно небольших фрагмента этой книги, описанных в литературе, к которым мы добавили еще 6 экземпляров, до сего дня не упоминавшихся. Из общего числа 28 экземпляров мы ныне можем указать местонахождение 24 экземпляров⁷³. Характерно, что все они находятся в книгохранилищах Советского Союза. Все экземпляры были просмотрены *de visu*; в диссертации даны сведения о их комплектности, переплетах и т. п.

Древнейшая из сохранившихся вкладных записей на экземплярах краковского Часослова сделана скорее всего в Ярославской земле в первой четверти XVI в.⁷⁴ Другой экземпляр книги издавна находился в русской семье Бухвостовых — старейшая запись в нем сделана в 1517 г.⁷⁵ Общественно-исторический интерес представляют летописные записи на полях экземпляра, принадлежащего Синодальной библиотеке⁷⁶.

⁷³ Ср.: Е. Л. Немировский. Славянские инкунабулы и палеотипы кирилловского шрифта в книгохранилищах Советского Союза. «Советское славяноведение», 1968, № 1, стр. 13.

⁷⁴ ГИМ, Шап. 68 б.

⁷⁵ ЦГАДА, ф. 1250, № 819.

⁷⁶ ГИМ, Син. 191.

Записи посвящены московским событиям XVI—XVII вв.

Среди более поздних вкладных наиболее интересна колоритная запись патриарха Никона, сделанная в 1658 г. на Часослове; впоследствии попавшем в собрание Ф. А. Толстого⁷⁷.

Как и Октоих, Часослов относится к числу наиболее распространенных и чаще всего употребляемых богослужебных книг православной церкви. Составление книги приписывают Савве Освященному (ум. 532 г.). Старейший известный нам датированный список русского Часослова был сделан в 1423 г. по повелению Кирилла Белозерского⁷⁸.

В славянском рукописании и книгопечатании известны варианты Часослова, отличающиеся один от другого своей полнотой: так называемые «великий» и «малый» Часословы. Распространены были и сильно сокращенные Часословы, известные под названием Часовников.

Краковский Часослов относится к числу «великих», никогда не печатавшихся в южнославянских типографиях, но зато широко распространенных в Москве. О московском происхождении оригинала книги говорит и состав издания. Книга начата текстом полунощницы, в то время как южнославянские издания обычно начинались другой службой — вечерней. Полунощницей начаты и многие рукописные московские Часословы XV в.⁷⁹

Одна из особенностей краковского инкунабула состоит в том, что текст так называемого символа веры напечатан в нем полностью три раза — в составе служб полунощницы, шестого часа и повечерницы. Во всех других известных нам изданиях таких повторений нет. Но они обычны для московских рукописных Часословов XV в.⁸⁰

К московской рукописной традиции, а именно — к Часослову 1423 г.⁸¹ — восходит редакция дополнительного текста символа веры, принятого Константинопольским собором 381 г.

Наиболее убедительные доказательства московского происхождения оригинала краковского инкунабула мы находим в тексте месяцеслова, в котором названы имена святых, почитавшихся на Руси, и нет имен некоторых святых, «памяти» которых широко отмечались на землях южных славян. В Часослове 1491 г. повторена ошибка, характерная для всех московских Часословов, как рукописных, так и печатных: пер-

⁷⁷ ГПБ, I. 5.1в,

⁷⁸ ОРЛБ, ф. 304, № 16.

⁷⁹ Ср.: ОРЛБ, ф. 304, №№ 16 и 17.

⁸⁰ Ср.: ОРЛБ, ф. 304, № 16, лл. 28 об., 180 и 223

⁸¹ См.: ОРЛБ, ф. 304, № 16, л. 29 об.

воучитель славян Кирилл Философ спутан с епископом катанским Кириллом, жившим в I в.

Интересные выводы о происхождении рукописного оригинала краковского издания позволяют сделать наблюдения ономастического плана, материалом для которых служат имена святых, приведенные в месяцеслове. Все имена даны в русской редакции. Так, например, популярная у южных славян Петка Тырновская названа Параскевой.

К московской рукописной традиции восходят и лингвистические нормы краковского инкунабула.

Часослов 1491 г. напечатан совершенно на иной бумаге, чем Октоих 1491 г. Ни одного общего водяного знака в просмотренных нами многих экземплярах обоих изданий обнаружить не удалось. Интересным представляется тот факт, что первые 22 тетради напечатаны на бумаге с более ранними филигранями (Лихачев, №№ 3393—3394; Брике, № 6393), а тетради 23—48 — на бумаге с более поздним знаком (Лихачев, № 3395). Это как будто бы указывает на то, что между печатанием первой и второй частей книги прошел некоторый, достаточно продолжительный срок.

Триодь постная. Не составляет редкости и третье издание Швайпольта Фиоля — Триодь постная. Мы зарегистрировали по литературе 26 экземпляров книги и прибавили к ним еще 3, до сего дня ни разу не упоминавшихся. Из 29 названных экземпляров нам известно местонахождение 26-ти. 24 из них, находящиеся в книгохранилищах СССР, были просмотрены *de visu*.

Старейшая вкладная на сохранившихся экземплярах Триоди постной сделана в 1536 г. людьми московского воеводы Д. Ф. Бельского⁸². Один из экземпляров книги принадлежал четвертой жене Ивана Грозного Анне Колтовской⁸³, другой — одному из приближенных Бориса Годунова⁸⁴. Большинство известных нам записей сделаны на территории Московской Руси.

В Триоди постной собраны молитвословия, предназначенные для исполнения в церкви в подвижные праздники, предшествующие пасхе. Состав книги складывался постепенно в течение примерно десяти столетий. Древнейший славянский список — так называемую Битольскую Триодь относят к XII в.

⁸² ГИМ, Меньш. 578.

⁸³ ГПБ УССР.

⁸⁴ СГУ, № 1/4.

К XII—XIII вв. восходит и старейший русский список, сохранившийся в составе Синодального собрания⁸⁵.

Среди различных текстов, по традиции входящих в Триодь постную, но не имеющих непосредственного отношения к богослужению, назовем синаксарии, сочиненные византийским церковным историком Никифором Каллистом Ксанфопулом. В венецианском издании 1561 г. синаксариев вообще нет; южнославянская традиция по-видимому не считала эти тексты обязательными. Во всех московских Триодях они с неизбежностью присутствуют. Однако размещены они по-разному. В анонимной московской Триоди ок. 1555 г., как и в краковском инкунабуле, синаксарии помещены в конце книги; в московском издании 1581 г. — введены в текст. В рукописной традиции можно встретить как тот, так и другой вариант. И все же, размещение помянутых текстов в конце книги скорее всего восходит к практике восточнославянского рукописания, что может быть доказано многими примерами⁸⁶.

Изучая редакционные особенности издания, автор сопоставил отдельные тексты краковского инкунабула с пергаменной сербской Триодью XIV в.⁸⁷ и с московской рукописью XV в.⁸⁸. Анализ показал несомненную близость краковского издания московской рукописной традиции.

Лингвистические нормы краковской Триоди постной говорят о том, что ее оригиналом был восточнославянский список болгарского протографа.

Большая часть Триоди постной напечатана на той же самой бумаге, что и последние тетради Часослова. Эти издания скорее всего печатались одновременно, о чем говорит и сохраняемый в Ягеллонской библиотеке корректурный оттиск полос обоих изданий, сделанный на одном листе⁸⁹.

Триодь цветная. Четвертое издание Швайпльта Фиоля — Триодь цветная — более редко, чем Часослов и Триодь постная. Мы зарегистрировали по литературе 22 экземпляра и прибавили к ним еще 4, по сей день не описанных. Из 26 помянутых экземпляров нам известно местонахождение 19-ти; 14 из них хранятся в советских библиотеках.

Достаточно ранних вкладных и владельческих записей на экземплярах Триоди цветной обнаружить не удалось — ста-

⁸⁵ ГИМ, Снн. 319.

⁸⁶ ОРЛБ, ф. 113, № 121; ОРЛБ, ф. 256, № 438 и мн. др.

⁸⁷ ОРЛБ, ф. 87, № 38.

⁸⁸ ОРЛБ, ф. 304, № 385.

⁸⁹ Ягеллонская библиотека, Инс. 2051.

рейшая восходит к 1600 г.⁹⁰. Большинство записей XVII в. сделаны на территории Московской Руси.

Триодь цветная — непосредственное продолжение Триоди постной; книга содержит молитвословия, исполняемые на пасху и в подвижные праздники последующих семи недель. Перевод Триоди цветной на славянский язык приписывают ученику Кирилла и Мефодия, болгарскому церковному писателю Клименту Охридскому (ок. 840—916).⁹¹ Древнейшие из сохранившихся русских списков датируют XI—XII вв.⁹²

Состав и лингвистические нормы краковского издания позволяют утверждать, что оригиналом для него послужил восточнославянский список болгарского прологаграфа.

Характерной особенностью краковской Триоди цветной является наличие серьезных вариантов набора. Почти полностью перебраны многие листы тетрадей 21-ой и 23-ей. Трудно, однако, говорить о преднамеренном исправлении текста. Причина исправлений могла быть случайной — например, нечаянно рассыпали набор. Этот вывод подкрепляется анализом исправлений, а также тем фактом, что типограф не придавал им большого значения: в одном и том же экземпляре нередко соседствуют более ранний вариант набора одной из тетрадей и более поздний — другой⁹³.

В бумаге, на которой напечатана Триодь цветная, мы встречаем те же самые водяные знаки, что и в бумаге Триоди постной. Создается впечатление, что для этого издания бумага специально не покупалась — использовалось то, что оставалось от прежних изданий. Об этом говорит и тот факт, что в пределах каждой тетради книги соседствует бумага двух, а иногда и трех сортов.

Неожиданно поражает своим богатством художественное убранство Триоди цветной. Заставка здесь всего лишь одна — отпечатана она с той же самой доски, что и в других изданиях Фиоля. Но вот гравированных инициалов великое множество: 63 оттиска с 13 досок (в Октоихе — 1 инициал, в Часослове —

⁹⁰ ЛБ, № 1212.

⁹¹ Ср.: И. Богданов. Климент Охридский. София, 1966, стр. 82.

⁹² ЦГАДА, ф. 381, № 137—139; ГИМ, Воскр. 27; Син. 896. Ср.: М. В. Щепкина, Т. Н. Протасьева. Сокровища древней письменности и старой печати. Под ред. М. Н. Тихомирова. М., 1958, стр. 24 (Труды Государственного исторического музея. Памятники культуры, вып. 30).

⁹³ В экз. ЛБ № 1211 и 1212 — 1 вариант набора как 21-ой, так и 23-ей тетради; в экз. ЛБ № 1213 — 2-ой вариант обоих тетрадей; в экз. МГУ; БАН Литовской ССР; ГПБ, XII.9.7 — 1 вариант 21-ой тетради и 2-ой — 23-ей.

2, в Триоди постной — 3). Орнаментака варьирует балканские мотивы, широко распространенные в восточнославянской книжности XIII—XV вв.

III. ПЕРВАЯ ТИПОГРАФИЯ. ПЕРВОПЕЧАТНИК И ИЗДАТЕЛИ

Не раз было названо имя человека, с чьими трудами и днями связывают возникновение первой славянской типографии. Кто стоит за этим именем? Нам далеко не безразличен жизненный путь новатора, — а Швайпольт Фиоль безусловно был новатором, подготовившим и свершившим великий переход от рукописания к книгопечатанию многочисленной и могучей семьи славянских народов. Будучи марксистами, трезво оценивающими действительную роль личности в истории, мы с глубоким интересом относимся к биографиям людей, деятельность которых выходила за рамки обыденности. Поучительный пример сохраняет воспитательное значение по сей день. Но и сами биографические подробности нередко таят в себе разгадку моментов, интересующих историка.

Истоки. Швайпольту Фиолю привелось быть героем совершенно фантастических легенд и произвольных измышлений. Это тем более досадно, что как раз о Фиоле известно немало фактов и сведений, достоверность которых сомнений не вызывает. Жизнь и деятельность славянского первопечатника можно подробно проследить по актам XV и начала XVI в., большинство из которых опубликовано Я. Пtasником⁹⁴.

Происхождение первопечатника бесспорно устанавливается записью, сделанной в 1479 г. в книге, регистрирующей принятие чужеземцами краковского городского права. В записи идет речь о Швайпольте Фиоле, приехавшем из Нойштадта на Айше — небольшого городка во Франконии, по специальности — золотшвей⁹⁵. Вскоре Фиоль стал членом цеха золотых мастеров; в 1483 г. он, с помощью цеховых властей, подыскал себе двух учеников⁹⁶.

В самом конце 1483 г. Фиоль с неким Гансом Якелем взяли в аренду конюшню и, неизвестно для какой цели, приобрели большое количество мебели. В этой коммерческой

⁹⁴ См.: J. Ptasnik. Cracovia impressorum XV et XVI saeculorum. Leopoli, 1922.

⁹⁵ См.: K. Kaczmarczyk. Księgi przyjęć do prawa miejskiego w Krakowie 1392—1506. Kraków, 1913, № 7812.

⁹⁶ См.: L. Lepszy. Pacyfikał Sandomirski oraz złotnicy krakowscy drugiej połowy XV st. «Sprawozdania komisji do badania historii sztuki w Polsce». Т. 5, з. 2. Kraków, 1892, s. 100.

операции некоторые исследователи видят начало работ по основанию первой славянской типографии. Мы не разделяем этого мнения.

9 марта 1489 г. король Казимир Ягеллончик выдает Фиолю привилегию на преимущественное право использования изобретенной им машины для откачки из шахт грунтовых вод⁹⁷. Машина первоначально применялась на королевских шахтах. В дальнейшем ее стали использовать и частные горнопромышленники. Так судьба свела Швайпольта Фиоля с Яном Турзо, сыгравшим значительную роль в деятельности первой славянской типографии.

В диссертации рассмотрена история купеческого и банкирского рода Турзо, на примере которого раскрывается проникновение торгового капитала в ремесло, зарождение мануфактурного производства и его дальнейшая капитализация, а также процесс постепенной аристократизации купеческой верхушки, ее меценатская деятельность.

Основателем польской ветви рода был Ян Турзо (1437—1508), принявший краковскую юрисдикцию в 1464 г.⁹⁸. Человек предприимчивый и талантливый, он в короткий срок составил себе состояние, которым, по словам польского хрониста Бернарда Ваповского, «мог соревноваться с богатейшими купцами во всем свете». Материальной основой состояния служили горнопромышленные и металлургические предприятия, часть из которых Турзо эксплуатировал вместе с известным аугсбургским банкирским домом Фуггеров.

Ян Турзо был близок к гуманистически настроенным кругам, группировавшимся около Каллимаха и Цельгуса. Он активно поддерживал Вита Ствоша, был инициатором сооружения прославленного алтаря св. Марии. Сыновья промышленника учились в Краковском университете. Старший сын — названный по отцу Ян Турзо (1466—1520) в 1498 г. стал ректором университета, а в 1506 г. получил кафедру вrocławского епископа. Третий сын — Станислав Турзо в 1497 г. был избран епископом Оломоуца. Оба брата были настроены гуманистически. Во дворце Турзо в Оломоуце собирался кру-

⁹⁷ См.: H. Labęcki. Górnictwo w Polsce. T. 2. Warszawa, 1841, s. 170—172.

⁹⁸ См.: J. Ptańnik. Turzonowie w Polsce i ich stosunki z Fuggerami. «Przewodnik naukowy i literacki». Roczn. 33. Lwów, 1905, s. 829—838. 927—934, 1020—1028, 1115—1124; J. Macurek. Turzonowie na Morawach i na Śląsku w końcu XV i w pierwszej połowie XVI wieku «Śląski kwartalnik historyczny Sobótka». Roczn. 14. Wrocław, 1959, N 1, s. 25—47.

жок гуманистов во главе с астрономом, математиком и философом Августином Моравием (1467—1513). Братья поддерживали тесные отношения со многими типографами, финансировали издания гуманистов. Им посвящали свои труды Эразм Роттердамский, Матвей из Мехова, Валентин Экк, Иоганн Фробен.

Гуманистические симпатии семейства Турзо, их приятельские отношения со многими передовыми учеными и философами, завязавшиеся еще в ту пору, когда старый Ян Турзо финансировал работы Вита Ствоша, а его сыновья принимали участие в заседаниях и празднествах кружка Цельтиса, хорошо объясняют интерес, проявленный этим семейством к первой славянской типографии.

Ян Турзо познакомился со Швайпольтом Фиолем, заинтересовавшись изобретенной мастером машиной для водоотлива. А затем привлек его к реализации зародившейся в гуманистическом кружке идеи славянского книгопечатания. Нельзя забывать и о том, что осуществление этой идеи обещало Турзо большие прибыли, к чему купец и банкир, конечно, не мог быть равнодушен.

Типография. 4 Февраля 1491 г. Швайпольт Фиоль заключил договор со студентом Краковского университета Рудольфом Борсдорфом, который изготовил для мастера «русский шрифт» и обязался впредь ни для кого, в том числе и для себя лично, не отливать подобных шрифтов⁹⁹.

В диссертации сообщаются некоторые биографические сведения о Борсдорфе, выходеце из гуманистической профессорской семьи. Отлитый Борсдорфом шрифт послужил материальной основой для создания первой славянской типографии. Кроме шрифта, следовало озаботиться изготовлением достаточно сложного оборудования, а также подготовкой оригиналов для набора. Весь комплекс работ Швайпольт Фиоль в одиночку исполнить не мог.

В типографии Фиоля было, по крайней мере, два печатных стана, ибо известно, что две книги — Часослов и Триодь постная — печатались одновременно. Книги эти разноформатны; одновременное печатание их на одном стане исключается. Каждый стан обслуживали до трех рабочих. Имена некоторых из них известны. Это Павел, упоминаемый в актах в 1484—1485 гг., как доверенное лицо Фиоля на одном из судебных процессов. Это Микулаш Штетина по прозвищу Бакалавр — впоследствии прославленный словацкий типо-

⁹⁹ См.: J. Ptašnik. Cracovia impressorum..., p. 19—20, N 48.

граф, работавший в Пльзени в 1493—1514 гг. В диссертации анализируется гипотеза Я. Янува о том, что Штетина, окончивший Краковский университет в 1487 г., учился в типографии Фиоля¹⁰⁰.

Рассматривается вопрос о редакторах и наборщиках типографии, которые должны были знать славянский язык. Автор отвергает восходящую к Ш. Старовольскому версию о профессоре Яне из Глогова, как переводчике изданий Фиоля с греческого на славянский язык. Редакторов и наборщиков типографии нужно искать среди преподавателей и студентов Краковского университета, выходцев из украинской и белорусской среды.

В связи с этим приводятся биографические сведения об украинце Станиславе Биле (1459—1541), неоднократно занимавшем должность ректора Краковского университета. Более тесные связи со Швайпольтом Фиолем по-видимому имел Павел из Кросно (ум. 1517 г.), впоследствии известный польско-латинский поэт. Павел записался в Краковский университет в 1491 г., то есть именно тогда, когда начинала свою деятельность типография. Несколько лет спустя ему пришлось покинуть город; причину мы видим в католической реакции и наступлении против гуманизма. В пользу связей Павла со Швайпольтом Фиолем, кроме его украинского происхождения, говорят его библиофильские увлечения и тесная дружба со Станиславом Турзо, во дворце которого он жил в начале XVI в.¹⁰¹

В подготовке к печати изданий Швайпольта Фиоля возможно принимал участие воспитанник Краковского университета, астроном и философ Юрий Котермак из Дрогобыча (ок. 1450—1494), автор изданного в 1483 г. в Риме «Прогностика» — первой печатной книги отечественного автора¹⁰².

О последовательности выпуска в свет изданий Швайпольта Фиоля высказывались различные мнения. Некоторые авторы считают, что сначала были напечатаны недатированные Триоди, а затем уже — помеченные 1491 г. Октоих и Часо-

¹⁰⁰ См.: Mikuláš Bakalár Stetina. *Stúdie a materiály o živote a diele slovenského prvotlačiaru v Plzni*. Bratislava, 1966, s. 91—99.

¹⁰¹ См.: И. Н. Голенищев-Кутузов. *Итальянское Возрождение и славянские литературы XV—XVI веков*. М., 1963, стр. 228—234.

¹⁰² См.: Я. Д. Исаевич. *Юрій з Дрогобича*. «Український історичний журнал», 1960, № 4, стр. 80—86; J. Isajewicz. *Jerzy z Drohobycza we Włoszech i w Krakowie*. «Małopolskie Studia Historyczne». Roczn. 6. Kraków, 1963, N 3—4, s. 59—64.

слов¹⁰³. При этом указывается, что Фиоль не мог напечатать в течение одного года четыре больших книги, а после 1491 г. он был лишен возможности заниматься типографской деятельностью.

В диссертации дан подсчет общего объема изданий Швайпольта Фиоля и определено время, необходимое для их полиграфического воспроизведения тиражом порядка 300 экз., исходя из средней производительности ручного наборщика и ручного печатного стана. При этом сделано предположение, что в типографии Швайпольта Фиоля работал всего один наборщик (на самом деле их было не меньше двух, о чем говорят наши наблюдения за техникой набора) и имелся всего один печатный стан.

По нашим подсчетам текстовые формы для всех изданий Фиоля могли быть изготовлены за 240 рабочих дней, а для печатания потребовалось не более 150 дней. Таким образом, четыре книги могли быть отпечатаны за 1,5—2 года. Исчезает основная посылка, положенная в основу гипотезы о более раннем выпуске в свет Триодей, ибо эта гипотеза основывалась на том, что издательская деятельность Фиоля не могла длиться меньше 6 лет.

Автор считает, что порядок изданий был следующим: Октоих, Часослов, Триодь постная, Триодь цветная. Первопечатники различных стран мира обычно начинали свою деятельность со сравнительно небольших изданий, а лишь затем переходили к более объемным. Если предположить, что точно так же поступал и Фиоль, порядок выпуска в свет краковских инкунабулов может быть лишь таким, который указан выше, ибо в Октоихе около 8 современных авторских листов, в Часослове — 12, в Триоди постной — 18, в Триоди цветной — 22.

Логично предположить, что типограф со временем улучшает художественное оформление изданий, а не ухудшает. Гравированных инициалов в Октоихе 1 оттиск с одной доски, в Часослове — 2 оттиска с 2 досок, в Триоди постной — 3 оттиска с 2 досок, а в Триоди цветной — 63 оттиска с 13 досок. Последовательность изданий и в этом случае та же самая.

Фиоль охотно использовал в последующих изданиях доски, приготовленные для предыдущих изданий. Трудно предположить, что уже имея 13 досок для инициалов, типограф

¹⁰³ Ср.: Е. И. Кацпржак. История книги. М., 1964. стр. 186; М. Błońska. Proba nowego spojrzenia na dzieje krakowskiej oficyny drukarskiej Szwejpolta Fiola. «Rocznik Biblioteki Narodowej». IV. Warszawa, 1968, s. 51—62.

применял в Октоихе, будто бы выпущенном после Триодей, лишь одну из них. А значит, Октоих вышел в свет раньше Триодей.

Последние тетради Часослова и обе Триоди напечатаны на односортной бумаге. Если предположить, что Триоди выпущены в свет раньше Октоиха и Часослова, логичным было бы утверждать, что последние тетради Часослова печатались прежде, чем первые. Но ведь это явная бессмыслица! А значит и последовательность изданий может быть только такой, какая была намечена выше.

О том, что издания Фиоля не могли выходить в свет в 1483—1491 гг., как это утверждают Я. Птасник, П. Попов, Е. Кацпржак и некоторые другие авторы, свидетельствует и письмо Цельтиса к Зоммерфельду с просьбой прислать ему книги кирилловской печати. Цельтис жил в Кракове в 1489—1491 гг. и был коротко знаком с Фиолем. Если славянские книги интересовали его, он несомненно тогда бы и постарался приобрести их. А следовательно, первенцы кирилловской печати вышли в свет не ранее второй половины 1491 г., когда Цельтис уже покинул Краков.

В диссертации рассматривается вопрос о том, существовала ли краковская Псалтырь с воследованием, будто бы напечатанная Швайпльтом Фиолем в 1491 г. Многочисленные упоминания об этом издании восходят к книге нижегородского епископа Питирима «Пращица, новосочиненная противу вопросов расколнических» (СПб., 1721). Краковская Псалтырь названа в одном из перечисленных в книге вопросов раскольников, с которыми дискутирует Питирим. Документально устанавливается, что сам Питирим этого издания не имел.

В литургической практике «великий» Часослов полностью заменяет Псалтырь с воследованием — он включает тексты псалмов и молитв, которые в «малом» Часослове и в Часовнике только названы. Трудно предположить, чтобы Фиоль выпустил два дублирующих одно другое издания. Ни один из типографов XV—XVI вв. так не поступал.

Автор полностью согласен с крупнейшим знатоком старопечатной книги А. Е. Викторовым, который в своих неопубликованных заметках о краковской Псалтыри писал следующее: «...нельзя не заподозрить, что оппоненты Питирима бывший у них в руках краковский Часослов по недоразумению назвали следованной Псалтырью, тем более что этот Часослов по своему составу и содержанию ... скорее походит на

печатавшиеся потом следованные Псалтыри, чем на Часословы...»¹⁰⁴.

Осенью 1491 г. деятельность первой славянской типографии была прервана — Швайпольта Фиоля арестовала краковская инквизиция. 21 ноября 1491 г. Ян Турзо и его компаньон и родственник Ян Тешнар попросили краковский епископский суд выпустить Фиоля из тюрьмы под залог в 1000 венгерских флоренов¹⁰⁵. Причиной ареста, как это явствует из определения по делу, состоявшегося 22 марта 1492 г., послужило не печатание славянских книг, как это обычно утверждается, а обвинение в проповеди гуситских взглядов.

27 марта 1492 г. псалтырист Анджей Ежовский от имени церковного суда уведомил Городской совет Кракова, что обвинения, предъявленные Фиолю, не подтвердились, и что утверждения о его пренебрежительном отношении к католической вере оказались ложными.

Таким образом, процесс был возбужден не из-за печатания славянских книг. Однако вопрос о типографии все же дискутировался. Об этом свидетельствует тот факт, что 13 января 1492 г., когда судьба Фиоля еще решена не была, Ян Турзо обратился к Гнезненскому капитулу с просьбой разрешить ему выпустить в свет «русские печатные книги» — те, которые уже напечатаны, и те, которые будут напечатаны впредь. Архиепископ рассмотрел просьбу и решил «убедить Турзо и удержать его от распространения и печатания упомянутых книг»¹⁰⁶. Фиоль в протоколе заседания капитула не упоминается. Оно и понятно, ибо мастер находился под судом.

Имя Турзо, было хорошо известно в Польше. Кроме того, его старший сын Ян, за два дня до заседания, стал членом Гнезненского капитула. Отсюда — необычно мягкий, убеждающий тон решения.

В апреле 1493 г. архиепископом гнезненским стал Фридерик Ягеллончик (1468—1503), сын короля Казимира IV, воспитанник Каллимаха. Молодой королевич сочувствовал гуманистам и всячески им покровительствовал. Не без его участия было продвижение по служебной лестнице избравших себе духовную карьеру братьев Турзо — Яна и Станислава.

Создались условия для продолжения деятельности славянской типографии — в 1493 г. она, по-видимому, возобновила

¹⁰⁴ ОРЛБ, ф. 51, карт. 4, № 4.

¹⁰⁵ См.: J. Ptaśnik. Cracovia impressorum..., p. 22—23, N 56.

¹⁰⁶ См.: A. Brückner. Zum Verbot des cyrillischen Buchdruckes in Krakau 1492. «Archiv für slavische Philologie». Bd. 16. 1894, H. 3—4, S. 608.

работу. Этот тезис доказывается в диссертации рядом умозаключений и фактов и, в частности, находкой фрагмента Триоди цветной в переплете венецианского издания 1491 г., принадлежавшего секретарю вроцлавского епископа Яна Турзо Валентину Краутвальду (1490—1545). Книга эта не могла попасть в Краков и быть переплетенной здесь раньше 1493 г.

Рассматривая вопрос об издателях и заказчиках первой славянской типографии, автор категорически возражает против распространенной в польской литературе версии, ставящей у истоков кирилловского книгопечатания так называемых славянских бенедиктинцев. Славянские бенедиктинцы отправляли богослужение на сербо-хорватском языке, а книги свои писали глаголицей. Ошибкой было бы связывать типографию Фиоля с «миссией бернардинов на Востоке», как это делают авторы изданной недавно коллективной «Истории Ягеллонского университета»¹⁰⁷. И бенедиктинцы и бернардины были католиками, редакция же изданий Фиоля характерна для православной традиции.

Не можем мы согласиться и с утверждением А. И. Соболевского, считавшего, что Фиоль печатал книги «по заказу от одного из молдавских воевод, для молдавских церквей»¹⁰⁸. Другая гипотеза финансистом и организатором типографии называет князя К. И. Острожского. В основе версии лежит ошибочное утверждение о том, что Фиоль будто бы жил в доме, принадлежавшем князю Острожскому¹⁰⁹.

Нам ближе точка зрения П. В. Владимирова, связавшего издания Фиоля с русской рукописной традицией. И все же, говорить о прямом заказе Москвы мы пока не решаемся.

Если мы не можем с определенностью назвать «заказчиков», то у нас есть все основания вести речь о «потребителях». Издания Фиоля предназначались для того, кто ими впоследствии пользовался. 68 из 75 известных нам экземпляров изданий Фиоля находятся в СССР. В большинстве из них (44 из 68) — записи великорусского происхождения. 30 русских записей восходят к XVI—XVII вв. Записей украинского, белорусского и польского происхождения меньше (12). Лишь пять из них — сравнительно ранние.

¹⁰⁷ См.: Dziejce Uniwersytetu Jagiellońskiego w latach 1364—1764. T. 1. Kraków, 1964, s. 205.

¹⁰⁸ А. И. Соболевский. Заметка о языке печатных изданий Фиоля и Скорины. «Чтения в Историческом обществе Нестора — летописца», кн. 2. Киев, 1888, стр. 192.

¹⁰⁹ См.: Книга і друкарство на Україні. Київ, 1965, стр. 14.

Вывод из всего изложенного однозначен. Фиоль и Турзо печатали свои издания если и не по прямому заказу из Москвы, то, по крайней мере, рассчитывая на Москву. Меньшая часть тиража предназначалась для распространения на восточных землях Польско-Литовского государства.

Последние годы деятельности Фиоля. Освобожденный из епископской темницы, Швайпольт Фиоль на протяжении последующих десяти лет живет в Кракове и первое время продолжает печатать славянские книги. Он покидает польскую столицу лишь в конце XV в. В августе 1502 г. мы встречаем его в силезском городке Райхенштайн (Злотый Сток), где он управляет шахтами князей Зембицких¹¹⁰. В 1511 г. в одном из актов краковской документации Фиоль назван гражданином словацкого города Левочи. Вблизи Левочи лежали родовые поместья Турзо, а в Левочских горах находились принадлежавшие им шахты. По-видимому и здесь Фиоль занимался горным делом.

В конце жизни мастер снова поселился в Кракове. Он жил в старом «Сером доме», здание которого, находящееся на углу площади Рынок и Сенной улицы, сохранилось по сей день.

7 мая 1525 г. Фиоль составил завещание. Большую часть состояния он завещал родственникам в Нойштадте на Айше¹¹¹. В конце 1525 г. или в самом начале 1526 г. славянский первопечатник умер.

В заключительной части диссертации автор с помощью цепи логических умозаключений доказывает, что все опубликованные Я. Пtasником документы о жизни и деятельности Фиоля относятся к одному и тому же человеку, а не к разным лицам, как это утверждают некоторые новейшие литераторы. Рассматривается также вопрос о легендарных типографиях Фиоля, будто бы находившихся в Грушевском монастыре и в Левоче. Автор считает, что при современном состоянии вопроса гипотезы об этих типографиях не имеют права на существование.

Заключение

Эта работа стала возможной благодаря тому, что ей предшествовали самоотверженные поиски многих талантливых и настойчивых исследователей. Говоря о советской историогра-

¹¹⁰ См.: Codex diplomaticus Silesiae. Bd. 20. Breslau, 1900, S. 138.

¹¹¹ См.: J. Ptasnik. Cracovia impressorum..., p. 111—112, N 267.

фии вопроса, мы с благодарностью вспоминаем ныне уже покойных зачинателей послереволюционного изучения славянского первопечатания А. А. Гераклитова, А. С. Зернову, Н. П. Киселева, И. П. Крипъякевича, С. И. Маслова, А. И. Некрасова, А. С. Орлова, В. И. Пичету, И. С. Свенцицкого, М. Н. Тихомирова. С неменьшим уважением мы говорим о тех, кто по сей день работает в этой области (А. И. Анушкин, П. Н. Берков, Т. А. Быкова, Л. И. Владимировас, Г. Я. Голенченко, М. М. Гуревич, А. И. Журавский, Я. Д. Исаевич, И. Я. Каганов, Т. Н. Каменева, Е. И. Кацпржак, Г. И. Коляда, Т. Н. Копреева, В. И. Лукьяненко, Ф. Ф. Максименко, О. Я. Мацюк, П. Н. Попов, Т. Н. Протасьева, Б. В. Сапунов, А. А. Сидоров, М. В. Щепкина). В последние годы проблемы славянского первопечатания активно разрабатывают зарубежные славяноведы (П. Атанасов, И. Бадалич, М. Блоньская, М. Бошняк, Л. Демени, Д. Думитреску, К. Гейнч, Г. Клаус, Д. Медакович, Г. Михайлович, В. Мошин, П. Панаитеску, Л. Плавшич, Д. Радоичич, Д. Симмонс, Р. Якобсон).

Сделано много. Но еще больше предстоит сделать. По сей день не написана марксистско-ленинская всеобщая история славянского превопечатания. Не изучены многие специальные вопросы. К числу последних до недавнего времени относилось возникновение кирилловского книгопечатания в Кракове в конце XV в.

Ныне мы можем утверждать, что у истоков кирилловской печатной книги стояли не добрые намерения Швайпольта Фиоля и, даже, не стремление к обогащению предприимчивого финансиста Яна Турзо. Корни первой славянской типографии кроются в своеобразном характере Польско-Литовского государства, в гибкой политике короля Казимира Ягеллончика, опиравшегося в своем стремлении к сильной централизованной власти и на католическую польскую и на православную белорусско-литовскую шляхту. Веротерпимость короля, имевшая реальную политическую подоплеку, была подкреплена пропагандой гуманизма, с особой силой развернувшейся как раз в это время. Средоточие гуманизма в Польше — Краковский университет — сыграл немалую роль в распространении знаний среди восточнославянских народов, пользовавшихся кирилловским шрифтом. Воспитанники университета — украинцы и белоруссы вдохнули в предприятие Фиоля — Турзо живую душу, напоили его из источника национальных традиций.

Так возникло славянское книгопечатание.

Зерна, посеянные кружком гуманистов, упали на хорошо возделанную почву. Проповедь всеобщего просвещения и единства людей в данном случае сочеталась со вполне реальными политическими и экономическими предпосылками. Финансовой основой типографии был колоссальный торговый капитал семейства Турзо. А Краков с его широко разветвленным цеховым строем послужил превосходной питательной средой для нового производства.

Первая славянская типография многими нитями связана с Московским государством. Скорее всего именно отсюда в Краков были присланы оригиналы изданий Швайпольта Фиоля. Мы старались доказать это, анализируя состав краковских инкунабулов, их язык, правописные нормы, композиционные и стилевые особенности фигурной гравюры, орнаментики, графики шрифта.

Наиболее наглядно и убедительно связи с Москвой прослеживаются, когда идет речь о распространении краковских инкунабулов. Мы показали, что преобладающая часть изданий Швайпольта Фиоля осела в Московском государстве. Именно здесь были сделаны наиболее ранние вкладные и владельческие записи на сохранившихся экземплярах этих изданий.

Продукция краковской типографии сыграла немалую роль в истории культуры нашей страны — отсюда всегдашний интерес русских исследователей к деятельности Фиоля.

Велико значение краковской типографии и в общей истории славянской культуры. Швайпольт Фиоль и его сотрудники убедительно показали практическую и экономическую возможность и целесообразность типографского воспроизведения текстов кирилловского шрифта. Отныне славянское книгопечатание существует и с каждым годом завоевывает все новые и новые позиции. Подчас презируемое и гонимое, оно находит прибежище в укрепленном замке черногорского феодала, в многоязычной Венеции, при дворе валашских господарей, в укромных кельях сербских горных монастырей, в древней Праге, в торговых кварталах Вильны и наконец, в середине XVI столетия, окончательно утверждается в Москве.

Описание изданий Швайпольта Фиоля

Описание каждого издания открывается условным названием, воспроизводимым с первого листа книги. В транскрипции названий раскрыты титла, пропущенные в оригинале буквы заключены в скобки, твердый знак в конце слов опущен, а вышедшие из употребления знаки кириллицы заменены аналогично произносимыми знаками современного алфавита.

Формат издания указывается условно с помощью широко распространенных обозначений типа 2^o. Приведена листовая формула, состоящая из трех частей, объединяемых знаками равенства. В первой части формулы, составленной из чисел с показателями, указан состав издания в тетрадах. Числа обозначают порядковые номера тетрадей (сигнатуру), а показатели — количество листов в тетради. Во второй части формулы приведены сведения о счете листов (пагинации). Ненумерованные листы и их количество обозначены числом со стоящим за ним обозначением «нн». Третья часть формулы указывает общее количество листов издания.

Вслед за формулой помещены сведения о количестве строк на полосе, о высоте 10 строк шрифта, о количестве красок и т. п. Зарегистрированы иллюстрации, заставки и инициалы с указанием порядкового номера листа, на котором они помещены.

Описание завершено перечнем сохранившихся экземпляров издания с указанием книгохранилищ, в которых они находятся, и шифров, под которыми они числятся.

1. Октоих 1491 г.

С б[о]гомь починаем Осмогласникъ творение пр[е]п[о]д[о]бнаго о[т]ца н[а]шего Иоана Дамаскына.

2^o. [1]⁸—[21]⁸[22]⁴=лл. 1 нн., 1—3, 4 нн., 5—8, 4 нн., 9—12, 4 нн., 13—16, 4 нн., 17—20, 4 нн., 21—24, 4 нн., 25—28, 4 нн., 29—32, 4 нн., 33—36, 4 нн., 37—40, 4 нн., 41—44, 4 нн., 45—48, 4 нн., 49—52, 4 нн., 53—56,

4 нн., 57—60, 4 нн., 61—64, 4 нн., 65—68, 4 нн., 69—72, 4 нн., 73—76; 4 нн., 77—80, 4 нн., 81—84, 8 нн.=172 л. (лл. 170—172 — пустые).

Строк 25. Шрифт: 10 строк=78—79 мм. Регулярной пагинации и сигнатуры нет. Печать в две краски

Иллюстрации: л. 1 об. (фронтиспис «Распятие» — № 1); л. 169 об. (типографский знак — № 2). Всего: 2 оттиска с 2 досок.

Заставки: л. 2 (№ 3). Всего: 1 оттиск с 1-ой доски.

Инициалы: л. 2 («В» — №4). Всего: 1 оттиск с 1-ой доски.

ГПБ, I.1.1a; I.1.1б; ЛБ, № 1205; ГИМ, Цар. В8; Шап. 1; ЛГУ, № 5362.

2. Часослов 1491 г.

Часословець имея и ношную и дневноую слоужбы по оуставу иже в Нер[у]салиме великиа лауры, иже в с[в]я[т]ых отца н[а]шего Саввы.

4°. [1]8—[47]8 [48]6=лл. 1, 1 нн., 2, 5 нн., 3, 1 нн., 4, 5 нн., 5, 1 нн., 6, 5 нн. (и т. д. — последовательно перенумерованы первый и третий лист каждой тетради) ... 21, 1 нн., КИВ (знак невозможно прочитать как цифру), 5 нн., 23, 1 нн., 24, 5 нн., 25, 1 нн., 26, 5 нн., 27, 1 нн., 28, 5 нн., 27 (ошибка!), 1 нн., 29, 5 нн., 30, 1 нн., 31, 5 нн. (и т. д.) ... 70, 1 нн., 71, 5 нн., 73 (ошибка!), 1 нн., 74, 5 нн., 75, 1 нн., 76, 5 нн., (и т. д.) ... 87, 1 нн., 89 (ошибка!), 5 нн., 90, 1 нн., 100 (ошибка!), 5 нн., 91, 1 нн., 92, 5 нн., 93, 1 нн., 94, 5 нн., 95, 1 нн., 96, 3 нн.=382 лл.

Строк 19. Шрифт: 10 строк=78—79 мм. Регулярной пагинации и сигнатуры нет. Печать в две краски.

Иллюстрации: л. 382 (типографский знак — № 2). Всего 1 оттиск с одной формы.

Заставки: л. 1 (№3). Всего: 1 оттиск с 1 формы.

Инициалы: л. 7 об. («Р» — № 5), л. 8 об. («Т» — № 6). Всего: 2 оттиска с двух форм.

ГПБ, I.5.1a; I.5.1б; I.5.1в; I.5.1г; I.5.1д; ЛБ, № 4331; № 3568; № 3369; № 5992; ГИМ, Цар. А1; Шап.68a; Шап.68б; Син.191; Хлуд. 1; Музей украинского искусства во Львове, №416/070512; № 15508; ЦГАДА, ф. 1250, № 819; ф. 1251, № 4; МГУ, № 314129; БАН Литовской ССР, № 46190; ГПБ УССР; Одесская ГНБ, № 4431; СГУ, № 851/1; № 852/2; БАН (фрагмент).

3. Триодь постная

Трьпеснець надеждо имешоу начинаем.

2°. [1]10—[31]10 [32]4=лл. 1 нн., 2—5, 5 нн., 6—10, 5 нн., 11—15, 5 нн. (и т. д. — последовательно перенумерованы первые пять листов каждой тетради) ... 151—155, 5 нн., 156—157, 2 нн.=314 лл. (л. 1 — пустой).

Строк 30. Шрифт: 10 строк=78—79 мм. Регулярной пагинации и сигнатуры нет. Печать в две краски.

Заставки: л. 2 (№ 3). Всего: 1 оттиск с одной формы.

Инициалы: л. 28 («Т» — № 6), л. 118 («Т» — № 6), л. 180 об. («М» — № 7). Всего: 3 оттиска с 2 досок.

ГПБ, I.1.2a до I.1.2e (6 экз.); ЛБ, №№ 1206—1210, 7422 (6 экз.); ГИМ, Шап. 44; Цар. АЗв; Хлуд. 2; Меньш. 578; ГПБ УССР; Музей украинского искусства во Львове, № 23176/310813; № 27/281002; ЦГАДА, ф. 1251, № 4; МГУ, № 314130; СГУ, № 1/4; БАН, 38.21.7; Ярославский краеведческий музей; Церковный исторический и археологический музей в Софии, № 81; Национальная библиотека в Варшаве; ГНБ во Львове, Ст. IV/80 (фрагмент); Ягеллонская библиотека в Кракове (фрагмент).

4. Триодь цветная

В пят[о]к вечерь на [г]осподи възвах...

2° [1]10[2]12—[30]12[31]8=л.л., 2 нн., 3—5, 5 нн., 6—11, 6 нн., 12—17, 6 нн. (и т. д. — последовательно перенумерованы первые 6 л. каждой тетради) ... 42—47, 6 нн., 48, 49, 41, 51, 52, 53, 6 нн., 54—59, 6 нн., 64, 65, 64, 67—69, 6 нн., 70—75, 6 нн., (и т. д.) ... 132—137, 6 нн., 138, 139, 140 (вариант—200), 141 (вариант—201), 142, 143, 6 нн., 144—149, 6 нн. (и т. д.) ... 180—185, 6 нн., 186—189, 4 нн.= 366 л. (л.л. 1—2 — пустые).

Строк 30. Шрифт: 10 строк=78—79 мм. Регулярной пагинации и сигнатуры нет. Печать в две краски.

Заставки: л. 3 (№3). Всего 1 оттиск с 1 доски.

Инициалы: л.л. 4 («П» — №8), 5 («С» — № 9), 13 об. («В» — № 10), 19 об. («П» — № 8), 20 («Т» — № 11), 23 об. («В» — № 10), 30 («В» — № 10), 33 об. («Б» — № 14), 35 об. («С» — № 9), 36 («Ч» — № 13), 40 («С» — № 9), 43 («В» — № 10), 44 об. («С» — № 9), 45 («Б» — № 14), 48 («В» — № 10), 51 об. («Р» — № 5), 53 («В» — № 10), 53 об. («Б» — № 15), 58 об. («В» — № 10), 63 об. («Г» — № 12), 66 («Р» — № 5), 66 об. («Р» — № 5), 67 («Г» — № 12), 69 («Г» — № 12), 69 об. («Г» — № 12), 78 («В» — № 10), 84 об. («Т» — № 11), 86 («Г» — № 12), 87 («Т» — № 11), 88 об. («Г» — № 12), 90 об. («Г» — № 12), 91 об. («С» — № 9), 99 («В» — № 10), 102 («Б» — № 14), 104 («И» — № 16), 105 («Р» — № 5), 105 об. («Б» — № 14), 107 об. («П» — № 8), 110 об. («Б» — № 14), 113 («Б» — № 14), 115 («В» — № 10), 117 об. («Б» — № 17), 139 об. («В» — № 10), 169 об. («В» — № 10), 198 («В» — № 10), 208 («Т» — № 11), 208 об. («Т» — № 11), 214 («В» — № 10), 233 об. («В» — № 10), 259 об. («В» — № 4), 273 об. («Г» — № 6), 274 («Т» — № 11), 295 об. («В» — № 10), 319 об. («Р» — № 5), 320 («Т» — № 11), 324 («В» — № 10), 328 («П» — № 8), 336 («В» — № 10), 349 («П» — № 8), 349 об. («П» — № 8), 358 об. («В» — № 10). Всего 63 оттиска с 13 досок.

ГПБ, XVII.9.7; I.1.3; ЛБ, № 1211; № 1212; № 1213; ГИМ, Хлуд. 3: Щап. 45; Цар. А3а; БАН Литовской ССР, № 46241; ГИМ во Львове, № 75; МГУ, № 539—5—58; Музей украинского искусства во Львове, № 27/280702; Музей древнерусского искусства им. А. Рублева, № 3422; Национальная библиотека в Варшаве; Национальный музей в Кракове, Инс. 24792; Католический университет в Люблине; Епархиальная библиотека в Сентендре (Венгрия); Нью-Йоркская публичная библиотека; ГНБ во Львове, Ст. IV/81 (фрагмент); Университетская библиотека во Вроцлаве (фрагмент); Библиотека Оссолинских во Вроцлаве (фрагмент).

По теме диссертации автором опубликованы и сданы в печать следующие работы:

1. Польские труды по истории книгоиздательского дела и книгопечатания. В сб.: «Книга. Исследования и материалы», сб. 6. М., 1962, стр. 255—266.

2. Некоторые легендарные даты начала русского книгопечатания. В сб.: «Книга. Исследования и материалы», сб. 7. М. 1962, стр. 239—243.

3. Очерки историографии русского первопечатания. В сб.: «Книга. Исследования и материалы», сб. 8. М., 1963, стр. 5—42 (см. разделы «Начало русского книгопечатания в трудах классиков славяноведения», «Румянцевский кружок», «Вестник Европы», «К. Ф. Калайдович» и др.— историография Швайпольта Фиоля).

4. Возникновение книгопечатания в Москве. Иван Федоров М., «Книга», 1964, 404 стр. (см. раздел «Начало славянского книгопечатания»— стр. 80—103).

5. Труды по истории русского первопечатания во второй половине XIX—XX веках. В сб.: «Книга. Исследования и материалы», сб. 9. М., 1964, стр. 389—437 (см. разделы «Славяно-русская библиография», «Эмигрантская литература» и др.).

6. Славянские инкунабулы в Болгарии. «Вопросы истории», 1965, № 3, стр. 194—195.

7. Новые труды по истории славянского первопечатания. «Советское славяноведение», 1966, № 1, стр. 69—79.

8. Рујанско Четворојевањеле. «Библиотекар» (Београд), 1966, № 5—6, стр. 406—420.

9. Југословенске ћирилске инкунабуле у библиотекама Совјетског Савеза. «Библиотекар» (Београд), 1967, № 5—6, стр. 265—272.

10. Славянские инкунабулы и палеотипы кирилловского шрифта в книгохранилищах Советского Союза. «Советское славяноведение», 1968, № 1, стр. 11—25.

11. Белорусский первопечатник Франциск Скорина. «Полиграфия», 1967, № 8, стр. 39—41.

12. Slawische Inkunabeln in kyrillischer Schrift. Die Geschichte ihrer Erforschung und noch erhaltenen Exemplare. «Beiträge zur Inkunabelkunde». Dritte Folge. Bd. 4. (1968). Berlin, 1969. S. 81—111.

13. [Рец. на кн.: А. Горфункель. Каталог инкунабулов. Л., 1967]. «Zentralblatt für Bibliothekwesen», 1968, № 12, S. 749—752.—В частности, о сохранившихся экземплярах Октоиха 1491 г.

14. Определение порядкового номера листа по сигнатуре в старопечатной книге. «Издательское дело. Книговедение», Научно-информационный сборник. № 2. М., 1968, стр. 44—45.

15. Начало славянского книгопечатания. Швайпольт Фиоль. Монография. 25 авт. л. (Готовится к печати издательством «Книга»).

16. Легендарная дата начала славянского книгопечатания. «Издательское дело. Книговедение». Научно-информационный сборник. № 2(4). М., 1969, стр. 15—17.

